

ГАЛИНА РОМАНОВА

**ПЯТЬ МИНУТ МЕЖДУ
ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ**

Детективы Галины Романовой. Метод Женщины

Галина Романова

**Пять минут между
жизнью и смертью**

«ЭКСМО»

2010

Романова Г. В.

Пять минут между жизнью и смертью / Г. В. Романова —
«Эксмо», 2010 — (Детективы Галины Романовой. Метод
Женщины)

ISBN 978-5-699-39648-1

Он нашел ее – свою фею... Только букет роз теперь оказался ни к чему. Девушка была мертва. Надо бежать, а он вместо этого сполз по стене, уселся на пол у кухонной двери. Здесь его и взяли. Фею убили выстрелом в голову, уничтожив всю красоту. Тот, кто это сделал, благополучно исчез. А вот он... попался. Так глупо, так бездарно попался! И все почему? Да потому, что нарушил главное правило вора: никогда не возвращайся туда, где тебе один раз повезло... Сложно было представить, что авантюрная идея изложить на бумаге придуманную криминальную историю внезапно перерастет во что-то серьезное и станет смыслом жизни. Именно с этого начался творческий путь российской писательницы Галины Романовой. И сейчас она по праву считается подлинным знатоком чувств и отношений. В детективных мелодрамах Галины Романовой переплетаются пламенная любовь и жестокое преступление. Всё, как в жизни! Нежные чувства проверяются настоящими испытаниями, где награда — сама жизнь. Каждая история по-своему уникальна и не кажется вымыслом! И все они объединены общей темой: настоящая любовь всегда побеждает, а за преступлением непременно следует наказание. Суммарный тираж книг Галины Романовой превысил 3 миллиона экземпляров!

ISBN 978-5-699-39648-1

© Романова Г. В., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	35
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Галина Романова

Пять минут между жизнью и смертью

Глава 1

Славно было сидеть в парке на скамеечке. Сдвинуть кепку на затылок, расстегнуть три верхние пуговицы на рубашке, обнажая безволосую грудь, распластать руки по деревянной спинке, чтобы больше никто не подсел. Смотреть по сторонам, щуриться на солнце и ни о чем, ни о чем плохом не думать.

Погода была просто упоительной. Он всегда обожал август с его теплом, с его утренней прохладой, которой, сколько ни тужься, до вечера так июльской прыти и не набраться. С легким ленивым ветром, собирающим редкими горстями рано облетевшие тополиные листья. И небо ночное в это время любил, таких звезд, как в августе, в году больше не было, не смотрело их так много и глазасто сверху никогда, только в августе...

Он мечтал сейчас! Да как мечтал!

И о том, что может...

Да нет, уже начал жить совсем иначе. И все в его жизни сложится. И никто никогда ничем его упрекнуть не сможет. Ни жена, ни дети.

Детей и жены, правда, пока не было. Но он мечтал сейчас как раз о том, что они у него будут. Милая добрая фея – его жена. И славные нежные ангелочки – его дети. Она воркует, они щебечут. Никто никогда не ссорится, не злится друг на друга. Все счастливы, веселы и беспечны.

Такой семье, которая у него будет, позавидует каждый. Им и будут завидовать. Их любви, взаимопониманию, их достатку.

Что семья его станет жить в достатке, он не сомневался. Добыть целковый он всегда сумеет. Даже в самые черные дни свои он без хлеба не сидел. А черными они считались у него не от безденежья, а от того, что один он совсем оставался.

Мать умерла, болела потому что долго. Сестра уехала с каким-то командированным. Побросала в сумку свои вещи и сгинула. Не позвонила ни разу, не написала. Даже о смерти матери она не знает, потому что сгинула много раньше.

Вот когда ему было по-настоящему худо – когда он был один. А деньги...

Он всегда при деньгах. Миллионами не ворочает, но не без помощи сонных и рассеянных граждан наших и ремонт в квартире сделал приличный, и торговый ларек с сигаретами и водой минеральной поставил возле вокзала. Поначалу туговато дело шло, а потом все нормализовалось, и даже прибыль появилась, и какая. И мог бы спокойно жить теперь с доходов, и даже расширяться бы мог, и что-то начать планировать, но...

Но тянуло, как магнитом, к тому, без чего уже и жизни себе не представлял.

Болезнь? Да нет, вряд ли. Болезнь – это когда из магазина не могут с пустыми руками уйти, непременно спереть им что-то надо. Он лично в магазине никакого кайфа не ощущал. Никогда там не брал. А вот толкнуть незапертую дверь носком ботинка, крохотное мгновение послушать, как гудит пылесос, работает дрель или упоительно скандалят супруги, осторожно взять с крючка, оттоманки, пуфика, тумбочки борсетку, сумку, портфель – всегда бывало по-разному, раствориться тут же с уловом за дверью в никуда и навсегда – это было его призванием. В этом он был виртуозом. И ни разу за долгие годы своей бессменной службы воровскому делу он не был пойман, и даже ни разу не был заподозрен. Никем!!!

Он работал всегда один. Ни с кем не делился, никому о себе не рассказывал, не хвастался. Всегда помнил: что знает один – не знает никто, а знают двое – знают все.

Не был дураком и никогда не заходил в подъезды даже с намеком на то, что там могут быть установлены видеокамеры. Не маячил перед старушками, у тех глаз хоть и слабый, но сильно запоминающийся. К слову, их никогда не грабил, считая это подлостью.

А вот одуревших от жира, от сонной рассеянности обывателей среднего достатка – да, обворовывал. Честно, между прочим, обворовывал. Лишнего не брал. Он не был мошенником. Он был просто вором. В этом видел свое призвание, и ни разу этого ему не пришлось устыдиться. Почему?

Да потому что он был честным вором! Скажете, что таких не бывает, что вор изначально подл, вероломен, бесчестен и все такое? Что он забирает у честных граждан то...

А вот тут-то и была самая главная закавыка, которая отделяла его от грабителей и подонков и причисляла к честным ремесленникам.

Он ведь не последнее забирал у граждан. Он забирал то, что плохо лежало. Ну, пришел ты домой, так запри дверь-то. А они и думать об этом забывают. Они толкнут ее ногой либо попой, швырнут на пол покупки и давай орать на мужа или жену – тут все зависит от того, кто притащил покупки, – что и помощи никакой, что все обнаглели, на шею сидят, свесив ноги. Вторая половина тоже потихоньку начинает заводиться. А когда кто-то из двоих коснется родителей, то тут хоть весь дом выноси, не заметят ничего.

Все он не выносил. Брал то, что обычно люди оставляют возле входной двери. Потрошил потом вещички этажом выше или ниже, все зависело от густонаселенности подъезда, от времени суток и времени года, иногда домой нес. Брал деньги, банковские карточки, что-нибудь еще ценное. Сумки выбрасывал, пустые кошельки тоже. Документы затем подбрасывал.

Правда, не всем.

Тут он тоже с личной необъяснимой неприязнью ничего поделывать не мог. Вот не понравится кто, хоть убей: либо в урну паспорт, либо в баре в туалете на подоконник бросит, либо под ноги на остановке. А если человек неплохой и просто жизнью замотанный, то документы возвращал...

Сегодняшний клиент его удивил, как никто другой. Первый раз в жизни удивил его клиент, а! Это потом уже сообразил, на кого нарвался, а поначалу решил, что чокнутый какой-то проживает в квартире семьдесят четыре на улице Ломоносова.

Как все было-то?

А было так...

Утро, не раннее уже, но и до полудня далековато. Народу во дворах мало, это и не плохо и не хорошо. В идеале – это когда либо никого, либо прохожих много. Но выбирать не приходилось. Он второй день едва не чесался от противного зуда, шлющего ему посыл пройти по дворам. Он и пошел.

И, не обнаружив глазастых старух во дворе по улице Ломоносова, дом пять дробь один, нырнул в крайний подъезд. Послушал шум работающего лифта, подождал, не откроется ли дверь какая, вроде нет, и начал осторожно подниматься по лестнице.

На руки он еще в сквере натянул прозрачные перчатки. Сам сгондобил между прочим из женских колготок. И незаметно их на руках почти, и отпечатков никаких.

На нижних этажах никого, двери заперты. Он продолжил подъем. Здоровьем обделен не был, физкультурой занимался либо в комнате, либо на лоджии, поэтому, когда поднялся на шестой этаж, даже не задохнулся. Ткнулся в две квартиры справа от лестницы – заперто, за дверь тихо. Подошел к квартире с блестящим номерком семьдесят четыре, осторожно потянул книзу дверную ручку, дверка-то и подалась.

Он сразу, как положено – взгляд себе за спину, вниз по лестнице и вверх – никого. Дверь толкнул, та бесшумно открылась. В аккуратной прихожей, похожей на десятки других стандартной мебелью, зеркалом, телефонной тумбочкой и крохотным пуфиком слева от входа, никого не было.

И не раздавайся странный грохот из комнаты – квартира являлась однокомнатной, это он установил молниеносно, – можно было подумать, что квартира необитаема.

Обитаема-то была, да. Но почему-то ему сразу показалось, что тот, кто гроыхал сейчас в комнате, не живет тут.

Почему так подумал? Да проще простого было догадаться.

Искал что-то – раз. Искал, выворачивая ящики шкафов на пол, торопился, значит. Если бы не торопился, действовал бы аккуратно. Через слово матерился. И матерился, строго контролируя звук и интонацию. Наверняка боялся, что его услышат. Остерегался!

А станет ли человек, ищущий что-то в своем жилище, контролировать так себя? Будет ли выбрасывать вещи на пол, если можно сделать это по-другому, аккуратно складывая их на стул, к примеру? Станет ли возмущаться громким шепотом, если можно орать в полное горло?

Нет! А этот и шептал, и ящики выворачивал, значит, был не у себя дома. Вероятно, это был вор!

Сделав такое открытие, на которое ушло чуть больше десяти секунд, он едва не рассмеялся в полный голос. Сунул руку за пуфик, придвинутый к платяному шкафу. Вытащил оттуда дорогой кожаный портфель, который приметил, едва войдя в прихожую, сделал осторожный шаг назад, прикрыл дверь и быстрым шагом двинулся вверх по лестнице.

Чердак заперт не был, он этого не знал, пошел просто наугад. Глупо было не воспользоваться представившейся возможностью. Он влез туда, быстро осмотрел содержимое портфеля, оно его порадовало и заинтересовало. Прошел метров десять по чердаку, добрался до двери, которая должна была вывести его на улицу через другой подъезд.

Беспрепятственно спустился сначала с чердака, затем на первый этаж, так же вышел, так же ушел. Портфель почему-то не выбросил. Жалко было, больно кожа была мягкой и шелковистой, больших денег стоила. Да и не разобрался пока в истинной ценности содержимого, если честно. Купил по дороге большой непрозрачный пакет, сунул туда портфель, отнес домой и потом уже решил прошвырнуться немного.

Любил он, ну любил разложить перед собой на столе трофеи и полюбоваться ими, прежде чем расставаться с ними. Если сразу не выбрасывал, то всегда в дом нес разглядывать. А затем уж...

Портфель, заполученный им сегодня, показался ему необыкновенным. Толком вот рассмотреть не успел, что именно, но что-то его заинтриговало. И тут же мысль шальная принялась в голове толкаться: а не этот ли портфельчик тот незадачливый матерщинник искал, а? Не его ли пытался обнаружить на дне ящика в шкафу под одеждой? Думал, что портфель там, а он...

Правду говорят, если что-то хочешь понадежнее спрятать, прячь на видном месте. Портфель не мог упасть за пуфик, не резиновый мяч, не закатился бы. И щель между шкафом и пуфом была незначительной – сантиметров пять, а портфель со всем его содержимым никак не меньше десяти сантиметров в толщину в самом низу.

Значит...

Значит, портфель был нарочно спрятан хозяином. И спрятан на самом видном месте у входа. И очень удачное место, на его взгляд, было выбрано. Пуф был сооружен мебельщиками в виде грибка. Крышка съемная. Расстояние между крышкой и шкафом в пять сантиметров, а между основанием пуфа и шкафом – все пятнадцать будут. Вот хозяин туда портфель, стало быть, втиснул, крышку закрыл. И не видно почти. А если и увидишь, то подумаешь, что просто так втиснул туда, чтобы под ногами не мешался.

Только он так не думал теперь, когда мозгами пораскинул, млея под нежным августовским солнцем.

Такую дорогую вещь обычно принято на полке держать либо на хромированный крючок пристраивать. Что же так небрежно задвигать в самый угол? Чтобы не приметил никто?

Так оно все и было. И значит, тайна какая-то в том портфеле хранится, раз его кто-то спрятать пытался, а кто-то найти.

Какая тайна, а? Какая тайна?!

Глава 2

Она была его четвертой женой. Нелюбимой четвертой женой. Трех предыдущих – Сашу, Машу и Наташу – он тоже не любил. Вроде и хорошими все четыре были женщинами, и красавицами, и умницами, и с образованием, и с корнями достойными, а вот поди ж ты – не любил, и все.

Хотя у последней, у четвертой, – у Лерки Кнутовой – родословной никакой не имелось. Дворянского происхождения она была, как частенько ей напоминали. Мама с папой из простых, из рабочих. Бабушки и дедушки тоже не на графской постели были зачаты, так что, кроме образованности, красоты и ума, Лера ничем похвастаться не могла.

– Ты не должна забывать об этом, дорогая, – начинал обычно свой лекционный час за завтраком ее благоверный. – Другие жены мужу если не состояние приумножают, то хотя бы родословной похвастать могут, а ты...

Конечно, это не было системой. Он не каждый день ставил ей на вид. А лишь тогда, когда она пыталась тихо взбунтоваться, то есть не послушаться, пропустить мимо ушей его нравоведения или не явиться к назначенному времени туда, где он должен был ждать ее. Случалось, и не раз, что он и сам забывал о назначенном свидании, но то был он. Он имел право на забывчивость. Она – нет.

Вот тогда-то Виталий Станиславович Сетин и принимался играть в педагога, равнодушным голосом выговаривая ей в течение получаса – сорока минут.

– Если бы ты была мне безразлична, я не стал бы тратить на тебя время, это ты тоже должна понимать, – завершал он обычно беседу. – Всем спасибо, все было очень вкусно.

Всех было двое: Лера – его четвертая жена. И домработница, воспитывавшая Виталика с детства и так и не сумевшая расстаться с ним, хотя и годы уже не те, и сноровка не та, и зрение село до такой степени, что могла на рукаве его сорочки нечаянно складочку загладить.

Он тогда и ее не шадил, замечания делал. И Оксана Петровна, испуганно дернувшись, будто он ударил ее, принималась лихорадочно оправдываться и совать рассерженному Виталику новую сорочку. А он начинал тут же капризничать, дуть губы, ворчать, что опаздывает.

Лера в такие моменты со вздохом удалялась на другую половину дома.

А ну как не сдержится да сорвется на крик. А ну как наговорит ему всего-всего, чего он заслуживает. А ну как шлепнет Виталика по его капризно вывороченному рту. Что тогда?

Что могло быть тогда, Лера Кнутова не знала. По обоюдному соглашению и условиям брачного контракта они должны были жить тихо, мирно, благопристойно. И никаких таких сцен в этом доме происходить не должно было.

Кто-то из предыдущих жен Виталика попытался выразить свой протест – а не протестовать было просто невозможно – очень громко, истерично, со слезами. Виталик с недоуменно вздернутыми бровями все это дело выслушал, ничего не сказал, уехал куда-то. Вернулся потом с адвокатом и грузовичком, который вывез из его дома жену и ее вещи.

Он никогда не оскорблял в женщине женщину, никогда не поднимал на нее руку, даже, кажется, не изменял своим женам никогда, потому что некогда было. Но он их и не любил.

И когда он завершал свой лекционный час словами, что Лера ему не безразлична, ей всегда хотелось расхохотаться ему в лицо.

Что это такое, а? Что в его понимании – не безразлична? Это ведь не могло значить, что он любил ее. Нет, конечно! Он не умел любить – этот красивый преуспевающий мужик сорока лет от роду. Он никогда никого не любил и любить уже не сможет. Да он и боялся всяких нежных чувств, способных пробить в его сверкающих доспехах какую-то брешь.

Ему это было не нужно!

Он с легкостью женился, так же легко расставался со своими женами. Кстати, самый краткосрочный брак его насчитывал сорок пять дней. Самый продолжительный – два года, это с Лерой.

Но даже то, что они прожили бок о бок столько времени, не позволяло ей думать, что Сетин любит ее. Да он и не говорил никогда ей об этом, и не обещал ей ничего такого. В чем упрекнуть его было невозможно, так это в том, что он никогда не раздавал нелепых обещаний.

Он никого не обещал любить до гроба. И ей он подобных вещей не обещал тоже.

Они просто существовали под одной крышей – тихо, мирно, благопристойно, в соответствии с их договоренностью и условиями брачного контракта. Они часто спали в разных спальнях, а точнее – пять раз в неделю. Вместе выходили в свет, иногда он делал это один. Ездили куда-то отдыхать вместе. Хотя на отдыхе она тоже часто оставалась одна, у Виталия непременно случались какие-то деловые встречи. Вместе возвращались. Вместе завтракали, ужинали, иногда обедали, но...

Но от этого не становились ближе друг другу. Лере по-прежнему было очень одиноко в его доме.

– Это оттого, дорогая, – поразмыслив над ее словами, выдал он однажды, – что ты не можешь по достоинству оценить то, что тебя окружает.

– А что меня окружает? – Лера принялась оглядываться, надеясь обнаружить за своей спиной что-то новое или то, что сумело ускользнуть от ее взгляда.

– Тебя окружает роскошь! – Сетин поднял кверху указательный палец, глянув на нее, как на дурочку. – Это ли не понятно?!

– А... А разве этого достаточно для того, чтобы не быть одиноким? – Лера растерянно заморгала.

– Ну вот! А я что говорил! – воскликнул он с наигранным возмущением и сопроводил свое возмущение фальшивым смешком. – Ты же не способна оценить всего этого, потому что ты...

– Простолюдинка, это я уже слышала, – перебила его Лера КнUTOва, она иногда могла себе позволить с ним немного поспорить. – Но ты-то, ты!

– А что я?

У Сетина тут же задергалось левое веко. Оно всегда у него начинало дергаться, когда он раздражался.

– Тебя ведь роскошь окружает с рождения, а ты одинок!

И она уставилась на него с надеждой.

Ну, давай, Сетин, давай! Говори!

Ну, хоть бы сказал что-то такое, что мгновенно растопило бы лед между ними! Ведь есть, есть такие слова, которые могут мгновенно уничтожить отчужденность. Ими – этими словами – можно забросать пропасть. Можно сгладить все, отполировать, отчистить, сделать совершенными даже самые безнадежные отношения.

Нужно только немного постараться. И вложить хоть капельку чувств в те самые правильные слова.

Сетин не сказал ничего. У него не нашлось нужных слов, у него не имелось чувств, он являлся бездушным автоматом для приумножения состояния, основы которого заложены были еще его дедом.

Банкомат! Банкомат, а не человек! И нечего болтать глупости о том, что она ему не безразлична!

Он нарочито свернул салфетку, осторожно уложил ее на край стола, встал и ушел. Даже о том, что все вкусно и всем спасибо, не сказал в тот раз ничего. Одно Леру утешало – левое веко у него по-прежнему дергалось, когда он уходил.

Она слышала, как он собирается в холле, как с кем-то говорит по телефону все тем же совершенно равнодушным голосом. И решила, что не пойдет его провожать к порогу. Не пойдет, даже если завтра утром он снова станет учить ее, как ей необходимо себя вести, чтобы не вызывать в нем неудовольствия.

Странно, но Сетин вернулся сам.

Вошел в столовую с портфелем в одной руке и телефоном в другой. Подошел к столу, за которым она маялась в окружении роскоши от одиночества. Чуть наклонился вперед, будто хотел сказать ей что-то на ухо. Но ведь тогда стоило подойти поближе, а не торчать от нее в трех метрах. И проговорил с нажимом:

– Я не чувствую себя одиноким, дорогая. А знаешь почему?

– Почему? – спросила Лера.

Она не поверила ему. Она считала его самым одиноким человеком на свете. У нее были тети, дяди, подруги, двоюродные сестры и братья, друзья, бывшие коллеги по работе, которые все еще не забыли ее.

А у него никого не было! Никого, кроме деловых партнеров.

– Почему? – поторопила она его с ответом, поскольку он замешкался, странно ее разглядывая.

– Потому что у меня есть Оксана и ты, – проговорил он с неохотой, двинулся к выходу, но успел предупредить, перед тем как скрыться в холле: – И я не желаю больше обсуждать это, дорогая. Не желаю!!!

И ушел, громче обычного хлопнув входной дверью. А она осталась сидеть над застывшей рисовой кашей с сухофруктами. И сидела до тех пор, пока Оксана Петровна не потянула из-под ее локтя салфетку.

– Валерочка, детка, пойдешь подыши воздухом, – посоветовала она, глядя на нее с сочувствием.

Наверняка все слышала и жалела теперь ее, горемычную. Она однажды так ее и назвала – горемычная.

– Погода стоит замечательная. Под яблонями возле пруда такая благодать! – вздохнула нахваливала их сад, в котором Лере было скучно и пусто, Оксана Петровна. – Чего в доме сидеть. Виталик сказал, что к обеду не будет. Чего в доме сидеть? Или поплавай, тоже для здоровья полезно.

– Я в город хочу. Домой, – вдруг вырвалось у Леры, и она тут же прикусила язык, зная, что за этим последует.

Конечно, Оксана Петровна испуганно охнула, оглянулась, а вдруг Виталик вернулся. И покачала головой с сочувственным осуждением.

– Здесь твой дом, Валерочка, здесь. А про квартиру городскую забудь. Виталик сердится, когда ты туда без него едешь.

– Без него ездю – сердится. С собой зову – сердится. Он все время на меня сердится. – Лера поставила локти на стол, ткнулась подбородком в кулаки и запричитала: – Он все время на меня за что-то сердится, Оксана Петровна. Вы не знаете – за что? Может, потому, что я не похожа на его Сашу, Машу и Наташу? Или потому, что понравилась его деловому партнеру из Финляндии? Или за то, что мне звонят друзья и подруги, а ему нет? А может, он просто завидует мне и признаться боится?

Оксана Петровна моментально замкнулась, поджала губы и захлопотала у посудомоечной машины.

Обсуждать своего драгоценного Виталика пожилая женщина не собиралась ни с кем, даже с его четвертой женой, которой он заявил, что она не безразлична ему. Кажется, она даже не обратила на его слова внимания. Просто пропустила их мимо ушей.

Э-эх, неблагодарная! Знала бы она, чего подобное заявление Виталика стоит, не куксилась бы теперь за столом.

Скучно ей, глядите-ка! Скучно – пойди поработай! Нет, на производство ее Виталик не пустит. И в фирму к себе запретил являться. Тут всем женам запрет был. А во дворе, что ли, работы мало? Яблок нападало – тьма-тьмуца. Подбери, вымой да повидла навари. Либо нарежь дольками и сушить пристрой. А то соку можно нажать. Разве свой сок сравнишь с тем, что в пакетах продают? Нет, конечно. Да и огурчиков можно закрыть, помидоров. Клумбы опять же прополки требуют, а садовник Васька снова запил на неделю.

Разве же дел в доме нет, а! Только оглянись, сразу найдутся, было бы желание дела-то эти делать.

Вот о какой снохе мечтала Оксана Петровна. Всех жен Виталика она считала своими снохами, а Виталика самого своим ребенком, после смерти его родителей. Но такой снохи бог ей не послал. Ни одна из четырех не подходила ее сыночку. Эта последняя – Лерка, будто и ничего. Незаносчивая, негрубая, никогда ее не отсылала прочь, как те лярвы. Но все равно какая-то смурная. Казалось бы, живи и радуйся, что тебе господь послал. А она скучает! Да, все они с жиру и скучали!

– Ты куда, Валерочка? – встрепенулась Оксана Петровна, когда через час последняя жена Виталика вдруг вышла наряженная в короткие шорты, майку, бейсболку и сандалии. – Загорать, да?

Поняла уже, конечно, что свинтить та из дома надумала. Зачем ей тогда сумка-то спортивная, но все равно ваньку валяла. На рожон с хозяйкой не резон лезть. Виталик с ней уже второй год живет, кто знает, может, и задержится еще эта девчонка с мужицким именем.

– Нет, Оксана Петровна, в зал поеду, – соврала Лера и потрясла сумкой у домработницы перед носом. – Вот вещи спортивные со мной.

– А-а, понятно, – проводила та ее недоверчивым взглядом до дверей в гараж, тут же вспомнила: – Так ты же вчера в зале была. Ты же через день туда ходишь.

– Вчера свет отключили, – продолжила свое вранье, которое ей самой было отвратительно, Лера. – Четыре подхода по двадцать на пресс не сделала. Надо наверстать.

И ушла.

А Оксана Петровна переполошилась. Поначалу-то ничего, а вот как Леркина машина за ворота выскользнула, так и переполошилась.

Врет ведь! Врет черноглазая бестия! Стоило ли из-за каких-то упражнений через весь город в такую жару ехать? Там тех упражнений минут на десять, а она будто на полдня собралась. И предупредила, что к обеду не будет.

Врет!

И зачем только Виталик от услуг водителя отказался для баб своих непутевых! Возил бы их Паша и возил. Ах да, как это она забыла! Пашу-то Виталик уволил из-за того, что тот слишком уж на Машку поглядывать начал. И все причину искал, чтобы с ней подольше задержаться где-нибудь. То в пробку они попали, то колесо прокололи, то бензобак пустой у них оказался вдруг на проселочной дороге.

Виталик ему ничего не сказал тогда и в глаз не стукнул. Хотя заслужил Паша, и еще как. Виталик просто за ними понаблюдать поручил ребятам из службы безопасности фирмы. Тем недели хватило для полного отчета супружеской неверности Машки и черной неблагодарности Паши.

Маша и Паша оказались за воротами. И Наташка, помнится, следующая, которая после Машки жена, уже без водителя обходилась. И эта теперь тоже. А ведь страж каждой из них нужен был. Суровый принципиальный страж.

Оксана Петровна долго стояла над телефоном в холле. Пару раз снимала трубку, чтобы Виталику позвонить и доложить о том, что Лера уехала из дома, не сказав ему ничего. И даже пальцами по цифрам тыкала. Но потом снова трубку клала.

Нет, неправильно это. Нельзя на молодую хозяйку доносить, как бы она, Оксана, Виталика ни любила.

К тому же Лерка ведь могла ему и позвонить. И он мог быть в курсе ее отлучки из дома. А она что наделает, если позвонит? И неудовольствие Лерки вызовет, и себя в первую очередь в неловкое положение поставит.

Нет, уж пускай они меж собой сами разбираются. Она доносить не станет. Да и Лерка неплохая, если разобраться. В саду работать не желает, или не доходит до нее, что это можно и нужно делать, но это разве беда? Зато вежливая и обходительная. Никогда ей ее место не указывала.

Может, потому, что Виталик очень часто Лерке самой это место указывал, а?..

Глава 3

Кафе, в котором Машка назначила им всем встречу, сразу не понравилось. Было многолюдно, шумно, подавали какие-то нелепые блины со сметаной и овощной(!) икрой, чай в огромных цветастых кружках. Столы были пластиковыми, стулья такими же. Никаких тебе скатертей, легкой музыки, полумрака, цветов в низких красивых вазах. Ничего того, к чему они успели привыкнуть, побывав в статусе Виталькиных жен.

– Ты бы еще на вокзале нас всех собрала! – зло фыркнула Наташка, вышагивая между пластиковым безобразиями. – Что за рыгалька, Маш?!

Машка угрюмо молчала, настырно проводя их к дальнему столику в углу, где было не столь шумно из-за перегородки, увешанной пластиковыми же цветами.

– Сели, – скомандовала она, когда они наконец дошли. – И хорош на меня пялиться!

Пялиться особо было не на что. От бывлой красоты и утонченности в бывшей сопернице ничего не осталось. Кожа потускнела, глаза поблекли, ни тебе маникюра, ни прически. Глупый какой-то волосяной кокон с торчащими из него длинными булавками. Про одежду и вовсе говорить нечего. Странный текстиль, которому даже не было определения, давно не стирался и уже попахивал.

– Ты пьешь, что ли, Машка? – ахнула Наташа, вытаскивая из дорогой сумочки длинную сигарету и изящно прикуривая. – Выглядишь не очень, честно!

– Посмотрела бы я на тебя, дорогая! – точно копируя интонацию их бывшего мужа, огрызнулась Маша. – Когда тебе нечего жрать, негде спать и нечем укрываться. Ты-то, смотри, без Сетина не бедствуешь?

– Да уж не пропала, – дернула оголенным плечом Наташа.

Она и в самом деле очень плавно, без лишних потрясений, перекочевала из постели одного преуспевающего бизнесмена в постель другого. И пускай женой ее еще не сделали, зато щедро содержали, ни в чем не отказывали и много еще чего обещали в будущем.

– Слышала, слышала, папика себе нашла, – ухмыльнулась недобро Маша и попросила у бывшей соперницы сигарету.

– А чем плох папик? – хмыкнула Наташа, угощая Машу сигаретой. – Конечно, не так красив, как Виталик, но все лучше, чем с затрапезным шофером трахаться.

Они трое друг про друга все знали. Их прежняя жизнь не была друг для друга секретом, так же как и нынешняя. Каждая ревностно отслеживала успехи или неудачи своих соперниц и исправно несла новости в клювике другой.

Саша после развода с Сетиным быстро встала на ноги. Купила на щедрые отступные салон красоты, занялась бизнесом. Не бог весь что, конечно, но не бедствовала. Даже раз в год на иноземных курортах бывала.

Наташка вообще молодец, здорово устроилась. А вот Машка после злополучного нелепого романа с собственным водителем очень быстро скатилась туда, откуда весьма редко получается подняться. Наташка как-то рассказала, что ту и в ментовке держали пару месяцев по подозрению в чем-то незаконном. И что будто бы в психушке она лежала. И что квартиру, подаренную ей Сетиным, за долги у нее крутые парни отобрали.

Ужас просто, в каком она оказалась говне! У них – у Сашки и Наташки – все не так. У них-то все много лучше. Не так, конечно, как бывало при Сетине, но и не так, как у Машки.

Саша с Наташей переглянулись многозначительно, вздохнули, думая об одном и том же. А Машка тут же обо всем догадалась и зашла неприятным хриплым смехом.

– А я знаю, что вы не жалеете меня, сучки! Глянули сейчас друг на друга и подумали: слава богу, что у нас все не так хреново. Так ведь? Можете не отвечать, без вас знаю, что так.

Мы ведь с вами... Мы ведь с вами очень, очень, очень похожи друг на друга. И не только внешне, дорогие мои.

И снова им пришлось вздрогнуть от такой знакомой интонации в любимом обращении Сетина. Он всех их так называл, всех, без исключения.

– А вы знаете, что и ее он так называет! – фыркнула Машка и снова засмеялась.

– Да ладно?! – ахнули Саша и Наташа.

Когда Сетин женился в четвертый раз, на Валерии Кнутовой – без роду без племени, без роста и веса, они приуныли.

Ведь он явно на их метр семьдесят семь купился, на четвертый и пятый размеры груди, на природный блондинистый окрас волос, на великолепные черты лица. Все трое со спины были похожи словно сестры-близнецы. Они так и думали, что это и есть сетинский идеал женской красоты. Что он никаких других женщин не приемлет. Только тех, которых активно рекламируют СМИ. Которым отдается предпочтение во всем мире, и которые всегда и везде пользуются повышенным спросом. Характеры разные – тут не поспоришь. Но внешность-то, внешность для Сетина имела значение! И ею они как раз и обладали!

Но потом он вдруг удивил всех, выбрав Кнутову. Она была прехорошенькой, да. Но она была маленькой, черноволосой, коротко стриженной, размер ее груди едва дотягивал до второго размера, у нее были угольно-черные огромные глазищи, все время смотревшие на собеседника с пытливым интересом.

Это ни в какие ворота не лезло! Это шло вразрез с мнением о сетинском вкусе и наталкивало на размышления.

– Он влюбился! – прошелестело в свете, на том все и сошлись и вскоре перестали чесать языки.

И тут вдруг...

– Именно так, девочки. Он называет ее «дорогая»! – и Машка снова рассмеялась. – Так что у нас с вами есть шанс!

– Какой шанс, господи, Маша, ты совсем допилась! – Наташа нервно расстегнула сумку, снова застегнула ее, потом подумала и достала еще одну сигарету. – Пускай он остыл к этой малявке, это ни о чем не говорит. Мы-то тут при чем?! Ты что, Сетина не знаешь?!

– Да! – поддакнула Саша, пытаясь проглотить кусок одного из липких блинов, которые им только что подали на цветных тарелках. – Мы-то тут при чем! Все в прошлом!

– Стала бы я вас здесь собирать и тратить. – Блины и чай Машка вызвалась оплатить, они не стали спорить. – Есть информация, девочки! И эта информация...

Она попыталась скромно потупить. ...ничего не вышло. Пришлось ей выразительно на них смотреть, чтобы догадались. Блины, мол, оплатила она. А уж за информацию будьте любезны раскошелиться.

– Сколько? – устало вздохнула Наташа и снова полезла в сумку.

– По пятьсот баксов достаточно, я думаю. – И, видя, что девочки возмущены до глубины души, поспешила успокоить: – Уверяю вас, оно того стоит! Потом благодарить меня будете! Саш, только не ври, что у тебя нет с собой.

Натальей и Саша общими усилиями отсчитали Маше тысячу долларов. Та прибрала их, доела клеклый блин, запила чаем, быстро утерлась салфеткой.

– Короче, так... Наш Сетин недавно отдыхал в компании наших с вами общих знакомых. Фамилию по понятным причинам не называю. Не возражаете? – Девочки пожали плечами, не возражали, стало быть. – Подпили, разговорились. Потянуло на откровения. К нему пристали насчет личной жизни. И вот тогда наш Сетин выдал такое, девочки!

– И что?! Что он выдал?!

Любопытство тут же затормозило застарелые обиды. Наташа моментально забыла про папика. Сашка – про свой салон. Все тут же вспомнили Сетина, с которым... Нет, за которым

им всем так беспечно и безбедно жилось. Который умел ухаживать, был чертовски хорош и собой, и в постели. И жизнь с которым так внезапно оборвалась из-за какой-то нелепицы.

– Он сказал, девочки, что, если с Лерой у него не получится семьи, он никогда больше не женится.

– И это все?! – выдохнули бывшие соперницы разочарованно.

– Нет, не все.

Маша улыбнулась, хотя на ее месте Наташа этого бы делать не стала, да и Саша тоже. Некогда красивые, белоснежные, ухоженные дорогостоящим дантистом зубы пожелтели и являли собой жалкое зрелище.

– Не тяни, Машка, время идет! – поторопила ее Наташа. – А время – деньги. Наши с Сашкой, между прочим!

– Не блей, коза, – тут же озверела Машка, тоже вспомнив, как бесилась и ненавидела Наташку за то, что она пришла в дом Сетина после нее. – Он сказал, что никогда больше не женится. Либо... Либо женится, но на ком-то из нас троих. На удивленный вопрос наш Виталик пояснил, что старый друг лучше новых двух или что-то в этом роде. Сказал, что от нас он хотя бы знает, чего ждать, а новая пассия ему может еще и не то показать. Про возраст свой вспомнил. Тут ему начали возражать, мол, прежние твои жены могут и не польститься на тебя и все такое. И тогда наш Сетин, девочки... Он сказал такое!

– Что?! Говори, а то сейчас блин тебе на голову надену, – пообещала Саша. – Деньги ей плати, да еще слова вытягивай!

– Он сказал, что найдет способ уговорить нас. То есть одну из нас. А если, говорит, не согласится кто-то из нас троих вернуться к нему, если с Леркой не получится ничего, то тогда он хотя бы попробует уговорить нас, то есть одну из нас, родить ему ребенка.

– Как это?! – заволновались девочки, поняв, что золотоносная жила бьется уже где-то под их ногами.

– А вот так! Захотел наш Виталик ребеночка! И не от Лерки своей, то есть если она не захочет и с ней не получится, а от кого-то из нас троих!

– От кого, интересно? – ухмыльнулась со значением Наташа и выразительно оглядела Машку. – Он тебя давно видел, красавица?

– А ты заткнись, поняла! – ткнула в нее пальцем Маша и едва в глаз не попала. – Думаешь, я про твоё бесплодие ничего не знаю?!

Наташа побледнела. И попыталась примирительно улыбнуться, но не вышло.

– То-то, не кичись. Мне свое былое вернуть – месяц пожить в хороших условиях. А вот тебе никогда не родить, дорогая! – и снова хлестнуло всех забытым сетинским. – Ладно, давайте не будем ругаться. Не для того я вас сюда пригласила. Подведем итоги, девочки... Наш Сетин не сегодня завтра разведется с этой коротышкой, не просто так разговор об этом завел. И тогда у нас с вами появится шанс вернуть его. Либо он на ком-то из нас женится, либо кто-то из нас родит ему ребенка.

– Я не рожу, – угрюмо заключила Наташа.

– Я тоже, – поддакнула ей Саша и на вопросы бывших соперниц ответила: – Просто я не хочу рожать. От Сетина тем более. У него минутная блажь, а я потом всю жизнь расхлебывай.

– Тоже верно, – закивали они.

– Тогда надо кому-то из нас его просто захомутать, и все. А две остальные... Ну тут уж лотерея, кого он выберет. – Маша вздохнула. – Но я вас призываю к тому, чтобы остальных двоих та счастливая, к которой он вернется, не забывала.

– Не вопрос! – в один голос сказали Саша и Наташа и закивали, закивали. – Мы же подружки по несчастью, как же по-другому!

– Вот! И я о том же, – обрадовалась Маша. – В нашей лотерее не должно быть проигравших, девочки. И наш счастливый билет – это Сетин!

– Да, но... – протянула Наталья после паузы, во время которой они чокались кружками, запивая чаем свою договоренность. – Но как долго нам всем придется ждать, девочки, а?

– Да? – вскинулась Саша, вдруг вспомнив про банковский заем, по которому подходил срок выплаты. – Как долго?!

– А вот мы и подошли к самому интересному. Как же мы с вами все-таки похожи! – Маша впервые оглядела бывших соперниц без зависти. – Вопрос времени может быть откорректирован.

– Кем?!

– Нами!

– Как это?! Мы же не можем заставить Сетина развестись с его Лерой, – недоуменно наморщила лобик Наташа.

– Да! – тут же подхватила Саша. – Мы же не заставим его.

– Резонно, – хмыкнула Машка, поддернув повыше рукава. – Мы не можем заставить его развестись с его теперешней женой, девочки, но... Но мы можем помочь ему овдоветь!..

Глава 4

Сетин вышел на ступеньки офиса, распахнул пиджак и какое-то время смотрел в нахмуренное небо.

И чего все облаками затянуло? С утра солнышко в окнах играло, обещало погоду, а тут того и гляди дождь пойдет. Он планировал сегодня с Леркой на пруд сходить, погулять, поговорить. На поваленном дереве можно было бы посидеть, помечтать о чем-нибудь.

Про поваленное дерево никто не знал. Это была крохотная сетинская тайна. Он ее немного стыдился, потому никому и не рассказывал. Вроде ничего такого, а оголяться как-то ни перед кем не хотелось, вот и молчал. А когда удавалось, сбегал туда.

Дерево повалило грозой лет шесть назад. Оно было большим и крепким, казалось, стоять будет вечно, а оно вдруг упало, ухнув ветками в крапивные заросли. Ствол сломался у самого основания и зиял года два огромной рваной раной, а потом неожиданно снизу полезли молодые побеги. Они оплели место надлома плотным пологом, устремились ввысь, получился отличный шалаш. Сетин забирался туда, садился на усыхающий сломанный ствол, раздвигал ветки и смотрел на пруд, на лодки у берега, на людей, плескающихся чуть подальше, возле мостика.

Ему там так нравилось. Он даже начинал что-то насвистывать негромко. А пару раз поймал себя на том, что напевает. Неправильно, конечно, фальшиво, но напевал. Застань его кто за этим занятием, глаза бы вытаращил.

Разве не странно? Молодой, преуспевающий, вечно занятый то бизнесом, то женщинами прячется в кустах и песенки насвистывает или напевает?

Сашку, Машку и Наташку туда точно тащить не стоило. Стали бы ныть, стонать, то их комарье замучило, то ноготь сломался, то солнце печет, то кусты по ногам хлещут. И на него стали бы смотреть с мерзким сучьим интересом.

А что это за блажь их муженьку в голову полезла такая? Чего он в эти кусты, по какой такой нужде таскается, и их вот теперь потащил? Уж не извращением ли каким тайным страдает? В собственном саду деревьев видимо-невидимо, растительности заморской, не на рубли купленной, а он на берег пруда в заросли крапивные сбегает.

Это все было не для них. Это было только его местом, его тайной, хотя он ее и стыдился немного.

А вот Лерке захотелось вдруг показать, и именно сегодня. Солнце с утра так палило, казалось, вечер будет дивным – тихим, спокойным, умиротворяющим. Захотелось провести его с ней вдвоем. Чтобы никто не мешал. Никто и ничто, даже собственные стены, которые он призывал ее ценить за роскошь.

С утра они что-то не то говорили друг другу. Вернее, снова он говорил, а она слушала вполуха и настырно ему возражала, не открывая рта.

Сетин улыбнулся, вспомнив бунтарские глаза своей последней жены – Валерии. Он, наверное, из-за этих ее глаз на ней и женился. Как заглянул в них однажды, так и оторваться не смог. Потом уже узнал всю ее, и привязался, а поначалу глаза ее его пленили.

Так о чем это он? Ах да, о сегодняшнем утре. Она снова слушала его бредни, снова бунтовала и ненавидела его молча. Он бы на ее месте давно в него тарелкой запустил, а она терпит. Интересно, как надолго ее хватит? И главное, что не давало ему покоя и из-за чего он изводил ее регулярно, – почему она терпит?!

Они составили брачный контракт, существовала еще между ними и устная договоренность о том, что они все должны решать только цивилизованно. Никакого ора, никаких быдловских семейных сцен, разумеется, никаких измен, этого Сетин не терпел и сам не допускал никаких вольностей на стороне. Все должно быть чинно, мирно и спокойно.

– Даже если я захочу сказать вам... тебе... – она поначалу все время называла его на «вы», пыталась поправиться, путалась, краснела, смущалась. – Даже если я захочу сказать тебе, что ты последний гад?! Я должна буду сказать это нежным голосом?

На последней фразе она аж засипела от удивления. А ее глаза... Ее глаза так бесились, так негодовали.

– Ты не можешь мне сказать этого, дорогая, – спокойно парировал тогда Сетин.

– Почему? Почему?!

– Потому что ты не имеешь на это права, – и уставился на нее, внимательно рассматривая.

Она, бедная, так растерялась, что не нашлась что ответить. Длинные ресницы метались вверх-вниз, вверх-вниз, пальцы сплелись на коленках. И она не смотрела на него теперь. А ему надо было, чтобы смотрела. Он же провоцировал ее и наблюдал, провоцируя. И ему очень важно это было. Важно наблюдать, важно знать, что она думает, что чувствует сейчас. А узнать это он мог, лишь глядя в ее глаза. Они у нее не могли лгать. Пока не могли.

А она на него не смотрела!

– Я имею на это право, а ты нет, – проговорил он с нажимом, будто нож в колотой ране проворачивал. И добавил: – Мы же договорились, кажется, раз и навсегда! Тебе непонятно?

– Понятно, – кивнула Лера и посмотрела на него совершенно несчастными, полными слез глазами. – Понятно – я гадина, а ты гадом быть не можешь. Правильно?

Слезы все же пролились. Ее глаза не смогли справиться и вместить столько обиды.

Лерка в тот момент была по-настоящему несчастной, и не будь он Сетиным Виталием Станиславовичем, он бы схватил ее, прижал к себе и наговорил бы много славного и хорошего. И примирение бы состоялось, бурно завершившись в постели. Но...

Но он был Сетиным Виталием Станиславовичем, сорока лет от роду, в меру жестоким, в меру расчетливым, немного хамоватым, если это требовалось, и до безобразия осторожным. И еще у него до Лерки были Сашка, Машка и Наташка, которым тоже хотелось верить и на которых тоже хотелось рассчитывать и надеяться. Но они подвели его. Не оправдали. Не создали и не уберегли того счастья, на которое он надеялся с ними. Не от скуки же он женился каждый раз, в самом деле! Нет! Он тщательно присматривался, выбирал, встречался со светскими свахами, просматривал фотографии. Узнавал о родственниках и все такое. И все равно ничего не выходило. А с Леркой...

С ней он странно встретился, странно познакомился, странно женился на ней и так же странно они теперь живут бок о бок уже два года.

Он провоцировал и наблюдал.

Она молча бунтовала и терпела.

ПОЧЕМУ ОНА ЭТО ДЕЛАЛА?

У него было несколько вариантов ответов.

Первый, и конечно же самый распространенный, не он его придумал: она это делает из-за денег. Ей понравилось жить богато, потому она и терпит.

Второй вариант: Лерка старательно – а она вообще была очень старательной и исполнительской особой – выполняет условия брачного контракта. Там был пункт, один среди многих прочих, что если они проживут в браке десять лет, то треть состояния Сетина Виталия Станиславовича перейдет его законной супруге. Вот, может, поэтому она так старалась? Так это тоже из-за денег, получается.

Третий вариант: ей не хотелось возвращаться в свою городскую квартиру в многоэтажке. Район был отвратительным, на его взгляд. Соседи все сплошь склочники и жлобы. Одна бабка, помнится, Лерка рассказывала, не раз участкового вызывала и жаловалась на то, что молодая соседка шумит и мешает ей днем(!) укладывать внука. Как могла Лерка днем шуметь, работая на другом конце города, было непонятно многим, включая участкового, но бабка продолжала жаловаться.

Итак, третий вариант – из-за соседей и промышленного загазованного района. Но этот вариант сам Сетин оценивал на слабую троечку.

Были еще четвертый и пятый варианты про возможных подруг, которые начнут злорадствовать и фальшиво сюсюкать, утешая, если Лерка сбежит от богатого мужа и снова поселится на своих сорока пяти квадратных метрах. Еще могла быть какая-нибудь тайная старая связь с человеком, от которого она и укрылась за высоким забором сетинского дома.

А еще...

Еще имелся самый последний и самый безнадежный вариант у Сетина. О нем он думал на все лады, когда сидел на поваленном стволе дерева и смотрел сквозь листья на зарастающий осокой пруд. Это ведь был и самый желанный вариант для него, потому-то и верить в него было очень трудно.

А вдруг она его любит?! Вдруг любит его – такого вот отвратительного – и терпит поэтому? Может быть такое в принципе?

– Нет, – ответил сам себе Сетин, медленно спускаясь по офисным ступенькам к машине. – Такого быть не может.

Она не могла его любить. Вернее, не могла любить в нем человека. Почему? Да потому, что он еще ни разу не повел себя по-человечески с ней. Тираном был – да. Еще наставником, постоянно читающим ей нравоучения. Хозяином, повелевающим и строгим. Но ни разу не был с ней просто человеком. Разве могла она полюбить его такого? Нет. И рассмотреть в нем не могла ничего за всем тем, чем он от нее прикрывался – строгостью, занудством, недоверием.

– Она не любит тебя, Сетин, – сказал сам себе Сетин, поворачивая под нужным углом зеркало заднего вида, чтобы видеть себя. – И не надейся!

Глава 5

– Уходи от него, Лера! Разве так можно жить?!

Подруга, с которой Валерия дружила с третьего класса, смотрела на нее со скорбным осуждением. Она не жалела ее – нет. Почему она должна была ее жалеть? Что такое с ней случилось? Безнадёжно заболела, слегла, по миру пошла с котомкой, ни кола ни двора разве нет? На работу не берут? Или проказа поразила лучшую подругу в ее молодые двадцать семь лет?

НЕТ! Ничего такого с ней не случилось, за что следовало бы пожалеть и пригреть на груди несчастную. Все у нее и при ней было. И здоровьем отменным бог наградила, и деньги какие-никакие, но всегда водились. И квартирка имеется однокомнатная. Своя собственная квартирка, между прочим. Ни в каких залогах у банка не находится или у иных прочих кредиторов. Без работы сейчас? Так потому, что не хочет работать. Захотела бы, сразу взяли. С руками бы оторвали. У нее вот лично до сих пор о Лерке справляются, потому что такое бесподобное знание трех языков иностранных не каждому дано. Что еще? Ах, о красоте позабыли! Да, не модель. Но и не уродина. Далеко не уродина. Очень мила, подвижна, ладно скроена. Кожа такая, что хоть в рекламный ролик запускай про крем с этим, как его, коллагеном, во. Глазищи необыкновенные. Чего еще надо для счастья?

– Любви тебе надо, милая?! – зашипела подруга. – Ах, любви!

– Да, любви, и что такого?! – огрызнулась Валерия.

Она приехала к Катке только потому, что та позвонила ей именно отсюда. Старый бабкин дом хоть и трещал по ночам, и кряхтел надсадно в ураганы, и протекала иногда крыша в проливные дожди, но простоять мог еще лет сто точно. И летом в нем было прохладно, а зимой тепло. И камин Каткин муж рукодельный смастерил им в кухне такой красоты, что возле него сидел бы и сидел, и не уходил никуда. Они даже в нем на углях шашлыки ухитрились жарить зимними метельными субботними вечерами.

А еще в доме была огромная русская печка, на которой они все лечили свои ангины и простуды. Большие по деревенским меркам окна с красивыми резными наличниками. Пол был из некрашенных досок, которые все тот же Каткин муж зачистил до блеска, покрыл лаком и застелил красивым лохматым ковром ручной работы. Два кресла плетеных поставил возле камина, столик между ними. А еще он сделал широченные подоконники из искусственного камня. И девчонки очень любили сидеть на них, свесив ноги в сад.

Катка позвонила и сказала, что она на даче, так теперь именовался старый бабкин дом. И Лера моментально собралась, наврав домработнице про тренировку и что-то еще. Приехала, напилась кофе, нажаловалась, искренне надеясь на понимание. А в ответ...

– Если хотела любви, выходила бы замуж за Овчарова, – достала из рукава свой последний козырь вредная Катка.

– Ну при чем тут Овчаров?! При чем тут Овчаров, Кать?! Что ты опять, а?!

– Да, опять. Опять и снова! А потому, что Саша любил тебя так, как... – Катка на мгновение запнулась, подбирая подходящие слова, но не нашла ничего лучшего, как сравнить со своим Степкой. – Как мой Степка меня любит, вот!

– Не сравнивай несопоставимые вещи! – взорвалась Лера с обидой.

– Это не вещи, это мужики. Они либо любят, либо нет. И это очень заметно, как бы они ни пытались это скрыть внутри себя.

– Есть такие, что просто играют в любовь. Либо притворяются влюбленными, – возразила Лера.

– Это не мужики, милая моя. Это альфонсы, приспособленцы и... козлы. – Катька ловко перевернула на блюдце чашечку из-под кофе кверху доньшком. Очень уважала она подобное гадание. – И вранье это тоже очень заметно. Его распознаешь так или иначе. Разве нет?

– Может быть. Вот и с Овчаровым.

– Что с Овчаровым, что?! – тут же встала на его защиту Катерина, Саша ей очень нравился.

– Мне казалось, что он мне врет, – робко заметила Лера.

– Саша врет, а Сетин твой говорит правду! – зашлась криком лучшая подруга. – Да такие люди, как твой Сетин, он!.. Я не знаю даже, как его охарактеризовать! Это же чудовище! Это машина с планеты Железяка! Саша ей врет! А Сетин говорит правду! Какую же правду он хоть говорит тебе, милая моя?! Вы вообще-то с ним разговариваете? За те два года, что ты прожила с ним, вы хоть раз поговорили с ним по-человечески?!

– Да ну тебя! – вспыхнула Лера от такой правдивой дружеской беспощадности и спрыгнула с подоконника в сад.

Приземлилась неудачно, даже в щиколотке что-то хрустнуло, и нога заныла тут же до самого колена. Дошла, прихрамывая, до скамейки под старой грушей. Села на нее, привалилась спиной к стволу.

И чего это Катька такая прямолинейная? Всю жизнь она такая. Ни разу не соврет во благо. Все режет правду-матку. Могла бы и пожалеть подругу, и посочувствовать. И наговорить могла чего-нибудь бабского, погладив по плечу.

Все ведь как-то живут, как-то друг к другу приспособляются. И Сетин не самый плохой в жизни Леры вариант, могла бы вообще на алкоголика или наркомана нарваться. У ее соседки, между прочим, синяки с лица не сходят. А у приятельницы по работе и вовсе у мужа вторая семья на соседней улице. А Сетин не пьет, не колется, не дерется, не изменяет. Подумаешь, жизни ее учит! Цаца какая, не поучи ее! Подумаешь, смотрит свысока и снисходительно. Мог бы и вообще не смотреть в ее сторону, потому что ему вечно некогда. А он ведь смотрит. И так порой смотрит, что Валерии хочется в окно выпрыгнуть, как вот сейчас. И секс у них бывает. Пускай не часто. И все больше случайный какой-то. Будто шел себе Сетин по дому, шел, нечаянно наткнулся на нее, взял и затащил ее в спальню. Но ведь тащил же, не обходил, как пальму в кадке.

Почему было этого Катьке не сказать ей? Почему?! Зачем надо было снова напоминать об Овчарове? О нем уже позабыто давно, два года прошло, не два дня. Ну, или почти позабыто.

Лера вздохнула, вспомнив, каким несчастным выглядел Овчаров, узнав, что она выходит замуж.

– Валерочка, ты же его совсем не знаешь! – повторял он все время одну и ту же фразу, считая ее самым главным аргументом. – Вы же только месяц назад познакомились! И как познакомились?!

– Как? – Она тогда еще могла беспечно улыбаться.

– Странно, Валерочка! Вы очень странно познакомились!

– Почему же странно, Саш? Мы столкнулись с ним на улице.

– Вы не столкнулись! Он спихнул тебя на проезжую часть! – задыхался от ненависти Овчаров, без конца дергая себя за длинные волосы на затылке. – Это... Это как в дешевой мелодраме, Валерочка! Он это устроил специально, поверь мне. Он увидел тебя, понял сразу твою натуру.

– Какую натуру?

– Романтическую! – с укором ответил Саша, ее романтизм иногда выводил его из себя, а зачастую приводил в недоумение. – Эти олигархи любят таких вот восторженных романтических простушек, как ты.

– Я не простушка, – оскорбилась тогда до глубины души Лера. – И встреча наша совершенно не отдает мелодраматизмом. Это просто... Это просто судьба, Саш. И я ничего не могу с этим поделать. Я выйду за Сетина замуж.

– Ты еще об этом пожалеешь, – предрек он ей тогда и ушел насовсем.

Больше Лера его не видела. Если честно, то старательно его избегала, боясь снова увидеть несчастные глаза. Катька встречалась с Овчаровым регулярно. И даже на дачу к себе зазывала. И в Леркино кресло возле камина усаживала, утешая тем самым. И беседы с ним душещипательные вела, зализывая рваную рану его души. Это Степка однажды Лере проболтался. А потом чуть ли не на коленках умолял Катерине ничего не рассказывать.

Лера не проболталась, но на Катьку потом дулась целых три недели. И не звонила ей даже. Она и сейчас на нее немного обижена. Его, значит, утешать способна, а ее нет? Он бедный и несчастный, а она – Лера – ее лучшая подруга, счастлива, что ли?!

Ей тоже очень, очень, очень плохо. Ей невыносимо тяжело и душно в сетинском доме. И одиноко ей там, и невыносимо безрадостно.

Ты еще пожалеешь...

Эту фразу обронил Саша Овчаров, когда уходил из ее дома насовсем.

Пожалела она или нет? И если пожалела, то почему?

Нет, ну вот могла бы Катька помочь разобраться хотя бы в этом? Чего сразу орать-то? Чего сразу требовать от нее, чтобы она от Сетина ушла? Разве нет другого выхода?

– Слушай, подруга, я тут подумала...

Катя Быкова нашла ее в собственном саду без труда. Потеснила ее объемной задницей на скамейке, прижалась плечом к плечу, потом чуть толкнула локотком, призывая к вниманию.

– Я тут подумала и погадала на гуще. Может, ты того... Может, ты любишь этого своего Сетина, а?..

Глава 6

– Лев Романыч, ну что вы такое говорите?!

Продавец из его ларька в четвертый раз пересчитывала пачки с сигаретами и упаковки с жевательной резинкой, и в четвертый раз недосчитывалась двух блоков сигарет и трех упаковок жевательной резинки.

– Считай еще, – приказал он в пятый раз. – Если снова недосчитаешься, значит, украла.

– Лев Романыч, ну что вы такое говорите?! – ныла продавщица, изо всех сил стараясь выдать из себя слезу.

Слез не было, разжалобить хозяина нечем, и ее прелести его не интересовали. Он сразу ей об этом сказал, как только она к нему устраиваться пришла. Важно так заявил, что он не любитель служебных романов и чтобы она при нем больше не раздевалась и поз вальжных не принимала.

Ох и любит он поважничать, Лев Романыч этот. И владеет-то крохотным ларьком, а спеси-то, спеси... на козе драной не подъедешь. Ну вот не знает она, куда подевались два блока «Винстона» и три упаковки «Дирола». Не знает, и все! Пускай увольняет ее к чертовой матери, а считать в пятый раз весь его гребаный товар она не станет. Спина уже отваливается, на четвереньках в этой тесной духоте стоять. А он знай приказывает и ухмыляется. Сам небось и спер, а с нее теперь спрашивает.

– Ну что, Тоня, делать станем? – Батенин оперся спиной о дверной костяк, а ногу закинул на дверную ручку так, чтобы Антонина не удрала. – Украла, признавайся?

– Не краля я, – проговорила она устало и села на пластиковый ящик. – Смену принимала два дня назад, все на месте было, а сегодня... Будто бес попутал!

– И кто был тем бесом? – вкрадчиво поинтересовался Лев Романович.

Все он видел, все он знал, о чем не знал, о том догадывался. Но ему нужно было, чтобы эта толстая корова призналась. Она признается, тогда и он отстанет. Он же видел все, и время имел товар припрятать, который ее считать раз за разом заставлял. Проворонила, так признайся, дура! А она упрямится и молчит. А он ведь за доверительные отношения. Он же за честность! Что же будет, если его собственные работники обманывать станут? Это же... Это же беспредел полный.

Нанимая Таню, Тоню, Маню на работу, он должен быть в них уверен. Как в себе. Должен быть уверен, что они выручку в карман не положат, цену не накрутят, свой товар на прилавок не выставят. И уж тем более не станут ляды точить за углом ларька, оставляя тот настезь открытым.

Он же видел Тоньку с ее хахалем. Видел их продолжительную беседу. И возможность, и время имел, чтобы нырнуть в собственный ларек и выкрасть оттуда два блока сигарет и три упаковки жевательной резинки.

Ох как противно ему было в тот момент! Ох как отвратительно! Будто сам себя мордой в дерьмо окунул. Одно дело, когда он у кого-то крал, а другое дело у себя. И обворованным он себя, как ни странно, почувствовал.

Как, оказывается, гаденько, когда у тебя крадут что-то! Как же теперь...

Как же теперь она?! Милая, прекрасная фея, которой Лев Романович Батенин грезил вторую неделю?

Вот она вернулась домой, вошла в квартиру, прикрыла за собой дверь, включила свет, шагнула вперед, а там все вверх дном. Что она в тот момент, интересно, сделала? Закричала, упала в обморок, прислонилась обессиленно к стене, сползла потом по ней на пол? Какая у нее была реакция, интересно? А что было потом? Она вызвала милицию, бросилась по соседям, позвонила друзьям, своему парню?

Парень у нее был. В этом теперь Батенин был уверен. Как и в том, что он оставил у прекрасной феи дома свой портфель. И не просто оставил, а спрятал так, чтобы он не попадался ей на глаза. И в портфеле этом была сокрыта какая-то важная информация. И именно это искал тот вор, которого Лев опередил.

Во всем этом он разбирался целую неделю. Осторожничая, узнал, кто именно живет в квартире семьдесят четыре в доме номер пять дробь один по улице Ломоносова.

Узнал. Обрадовался. Не ошибся он в том, что квартира принадлежала молодой девушке. Последил немного, но ничего заслуживающего внимания не обнаружил. Никто к ней не приходил, никто от нее не уходил. Ее и то ни разу не видел, хотя свет в ее квартире исправно загорался каждый вечер. Как ей удавалось проскользнуть мимо него незамеченной, Лев недоумевал. Он не мог ее не узнать. Он ведь каждую черточку ее лица изучил на фотографии, каждую ресничку, кажется, пересчитал. И одна из соседок, которой он представился сотрудником уголовного розыска, подтвердила, что, мол, да, это именно она. Та, кому принадлежит квартира номер семьдесят четыре.

Почему же он никак не мог с ней встретиться? Как она просачивалась в подъезд? Не через чердачный же люк соседнего подъезда она домой к себе попадала, в самом деле! Зачем это ей? Она ведь ничего не сделала, хотя...

Вот в этом месте Лев всегда принимался нервничать. Начинал ходить по своей недавно отремонтированной квартире, ерошить волосы, стучать кулаками по бокам, и думать, думать, думать.

Что ему не нравилось во всей этой истории, в которую он нечаянно попал, решив обворовать квартиру семьдесят четыре? Что? Думал, думал и сам себе отвечал – да все! Все ему в ней не нравилось. Все было очень странным, невероятно странным.

И он начинал с самого начала.

Допустим, милая девушка, черты лица которой он изучил досконально, встречалась с каким-то парнем. Жить она с ним не могла, потому что в прихожей – Лев это помнил – не было мужских тапочек. Стояла пара женских мохнатых шлепанцев с заячьими мордами. Значит, они просто встречались. Встречались, стало быть, встречались, ходили друг к другу в гости. И однажды, в одно из таких посещений, ее парень зачем-то прячет свой портфель за ее пуфом в прихожей. Зачем он это делает? Почему не прячет в другом месте? Почему у нее?! Ведь там...

В этом портфеле была куча каких-то бумаг – раз. Лев в них не разобрался, потому что содержимое сплошь состояло из цифр. Еще он нашел мужской носовой платок, авторучку. В узком отделе посередине, застегивающемся на молнию, мужские бритвенные принадлежности, кучу визитных карточек, какую-то крохотную безделушку на длинной цепочке. Потом уже догадался, что это флэшка. Пошел с ней в компьютерный салон, попросил пацанов помочь ему разобраться. Сам Лев даже не знал, с какой стороны к этому умному ящику подходить. Те сунулись с флэшкой к компу, а там пароль. А пароля он не знал, разумеется. Забрал безделушку назад и домой побрел.

Таким образом, эти все портфельные сокровища для Льва значения не имели. Может, и мог бы он с информации этой денег срубить, да шантажом никогда не занимался, потому и не стал. Для него имела значения лишь фотография, которую он нашел свернутой вчетверо в крохотном кармашке под липучкой. На фотографии была запечатлена прекрасная фея, о которой Лев мечтал уже давно. Именно такой должна быть его жена, способная нарожать ему детишек-ангелочков. И даже именно эта.

Но как найти ее, если она ни разу ему на глаза не попала? И что еще больше тревожило Льва, почему фотография эта была перечеркнута крест-накрест черным маркером?!

Тут он вообще в тупик заходил в своих размышлениях.

Если портфель принадлежит парню феи, то почему он фотографию своей девушки перечеркнул, да еще и, свернув вчетверо, засунул в самый дальний кармашек портфельный?

Он что же, порвать с ней собрался? Тогда почему именно у нее портфель спрятал? И продолжает встречаться с ней почему? Вчера, например, Лев явственно видел очертания двух человек за тонкими шторами на фоне светящегося квадрата окна. И было это в половине второго ночи. Стало быть, фея его была там со своим парнем, который перечеркнул ее фотографию и спрятал у нее за пуфом свой портфель. И который еще под удар ее подставляет. Чем? Да тем, что прячет в ее доме хрень всякую! Вернись бедная милая фея домой чуть раньше и застань там вора, или даже сразу двух воров, что было бы тогда, а?!

За себя Лев, конечно, был спокоен, он убежал бы, и все. А тот, второй? Кто знает, на что он способен! Может, у него и оружие имелось.

Одним словом, последняя квартирная ходка обернулась для Льва Романовича Батенина невозможной головной болью.

А тут еще толстобокая Тонька со своим нытьем. Выгнать ее, что ли? Выгонишь, завтра ларек хоть закрывай. Торговать-то некому. Сменщица – пенсионерка, еле шевелится. Выручки от ее продаж никакой. Эта хоть что-то сбывала.

– И ничего даже в голову не приходит, Антонина? – решил немного ей помочь Лев. – Может, отходила куда, а дверь не запирала?

– А-а! – спохватилась та, ухватившись за сердце. – А точно ведь, Лев Романыч, точно отходила!!! Неужели падла какая-то в это время внутрь нырнула, а?! Вот люди, а! Не люди, а жлобье сплошное! Увидать бы ту сволоту, удавила бы своими руками!

Батенин невольно покосился на ее руки. Кисти здоровенные, пальцы длинные, крепкие, такая за горло схватит – не сразу вырвешься, а то так и останешься в их кольце. Слушать дальше про то, какой он, мягко говоря, нехороший, ему надоело. Поэтому он приятельски потрепал ее по плечу и проговорил:

– Вот, Тоня, тебе и наука. Не доверяй людишкам, не надо. Видишь, как моментом пользуются.

– Да уж! Кто бы мог подумать, Лев Романыч! – От незатейливой хозяйской ласки слеза ее все же пробила. Она всхлипнула, уткнувшись лбом в его плечо. – Теперь оштрафуете, да?

– Ладно, прощу на первый раз, – решил проявить великодушие Батенин, поскольку сигареты и жевательная резинка у него в машине, в багажнике, валялись. – Но в следующий раз выгоню. И денег не дам, так и знай! Поняла?

Тоня покивала, выпроваживая хозяина из ларька и запирая за ним дверь. Потом исправно помахала ему рукой в торговое окошко. А стоило его машине скрыться из виду, разразилась гневными ругательствами.

Выгонит он ее! Да выгоняй, мать твою! Кто пойдет за такие гроши в этой консервной банке с утра до ночи сидеть?! Кому на хрен охота летом от жары изнывать, а зимой от холода?! Она бы ушла давно, если бы окна ее квартиры на нее не смотрели. Она за смену-то раз десять сгоняет домой детей проведать. Да за неделю блок-другой своих сигарет спихнуть удастся, все к столу подспорье.

А то выгонит он ее! Честный какой! А то она не знает, что про него болтают! Знает, знает, да не скажет никому. Тот человек, который ей рассказал, за болтливость запросто язык подрежет. Помолчит она пока. А уж как соберется уходить, все ему выскажет. Честный какой нашелся!..

Глава 7

Александра осторожно промокнула голое влажное тело тонкой фланелевой простыней. Потом вылила себе на ладонь из красивого оранжевого флакона ароматного масла и принялась втирать в кожу бедер, живота, ног, особое внимание уделялось груди. Втирать надо было долго, тщательно, чтобы масло полностью впиталось и кожа сделалась горячей и чуть розовой, будто тлела тихонько изнутри. Только тогда наступал долгожданный эффект, и прикосновение к собственному телу радовало, ладонь скользила по коже, как по атласу. Потом тогда можно было накинуть на себя легкую домашнюю тунику и пройти в гостиную к телевизору.

Напротив телевизора рядом с любимым глубоким удобным креслом на столике ее уже ждал бокал красного вина, четыре ломтика сыра и три крупные виноградины. Все это Александра готовила заранее, перед тем как пойти в ванную холить себя после долгого нудного трудового дня.

Ну да, ну да, не мешки она ворочала. И за прилавком не стояла, и затылки ничьи не выстригала. Сидела в директорском кресле, просматривала бумаги. Слушала бестолковую бухгалтершу, иногда поддакивала ей, иногда противоречила. Потом просматривала книгу жалоб и предложений. Писала поощрения, если было за что. Или лишала премии, если на то имелись причины. Заставляла секретаршу варить ей кофе, носить из соседнего магазина свежее шоколадное печенье. Обходила свои владения раз по семь-восемь за день. Возвращалась в свой кабинет, смотрела на часы и понимала, что... день снова прожит зря.

Нет и не может ей быть удовлетворения от нудного времяпрепровождения, именуемого работой. Пускай все это принадлежало ей. Пусть она здесь целиком и полностью властвовала, миловала и казнила по собственному усмотрению, могла за день по нескольку раз менять себе прически, но все равно ничто ее не радовало.

Почему? Да потому, что все это было мелким, ничтожно мелким в сравнении с размахом сетинского бизнеса. И доходы соответственно такими же были мелкими и ничтожными в сравнении с его доходами. И тратить она могла также ничтожно мало, в сравнении с тем, что тратила прежде, когда была его женой.

Ах, как она ругала себя теперь, как ругала! Ну что за идиотка была, право, начав требовать к себе внимания, а?! Ну некогда ему, да и господь с ним! Пускай он себе работает, пускай считает что-то, переводит во что-то, инвестирует. Это его работа, забота, бизнес. Он ведь так однажды ей и сказал, пытаюсь вразумить ее:

– Сашенька, голубушка, займись чем-нибудь, не приставай ко мне со своим бабским нытьем! Мне некогда!

– А тебе всегда некогда! Всегда! – негодовала Александра и роняла на пол какую-нибудь посуду, и та разлеталась фарфоровыми осколками. – Я для тебя мебель! Я для тебя красивая кукла, которую иногда, когда этого требуют твои дела, ты выводишь в свет! Я так больше не могу, Сетин! Я так больше не могу!

– Не можешь, и не надо, – пожал он однажды широченными плечами в обычной своей сетинской манере, сопровождаемой ленивым равнодушным кивком. – Собирай вещи и топай отсюда, дорогая...

И сколько потом ни билась в истерике Александра, сколько ни умоляла ее простить и не обращать внимания на блажь, вызванную скорее всего ежемесячным синдромом, ничто не помогло.

Сетин был непреклонен. Он ее выставил за дверь.

Да, он что-то выплатил ей, хотя она просила много больше. Помог ей основать свое дело. Даже оборудование завез и ничего не потребовал взамен. Но все это было ничтожно мало,

скудно и смешно в сравнении с тем, что она могла бы иметь, прояви она хоть чуточку здравого ума и хитрости.

Ни того ни другого она в тот момент не имела. Это потом уже заматерела, потершись на светских тусовках. Но тогда была дура душой. Не то что нынешняя сетинская женоушка. Вот кто оказался умницей-разумницей. Вот у кого мозгов палата и выдержки столько же.

Он оставляет ее одну дома вечерами? Ну что ж, подумаешь! Он читает ей часами нотации? Ерунда! Он не пускает ее работать? А Саша знала, что Валерия просилась. Так что же, поработает в саду.

В саду Валерия не работала, об этом Александре тоже было известно. Но ей почему-то нравилось себя травить подобным образом, представляя, как ковыряет крохотной лопаточкой нынешняя сетинская жена клумбы с гортензиями. Как вытирает тыльной стороной ладони пот со лба, как заправляет рукой в грязной перчатке непослушные прядки под шелковую яркую косынку. И как спешит навстречу Виталику, когда тот возвращается из своей конторы, держа наперевес корзинку с...

Тьфу ты, чуть не подумала, что с ландышами. Это же совсем другая история. Это не про последнюю сетинскую жену, а про несчастную падчерицу, которую мачеха послала ночью в лес за цветами в дикий мороз.

Сетинская жена ничьей падчерицей не была. В лес ее никто не посылал ни в мороз, ни в зной, ни в дождь, ни в ветер. С корзинкой, полной нежного первоцвета, та не возвращалась и на шее у Виталика не повисала. Все меж ними было тихо, мирно и чинно. Что, собственно, и бесило Александру больше всего.

Неужели из-за денег так прогибается, кусала она губы, часами размышляя о более чем завидном положении своей последней соперницы. Любить-то она его не могла! Любить Сетина невозможно было в принципе. Почему тогда меж ними так все гладко-то? К какому такому соглашению им удалось прийти? Что сумела нащупать в нем Валерия, чего не обнаружили три предыдущих жены?

Ответа у Александры не было. Вернее, он был, и всегда один – все из-за денег. Меркантильной была Валерия эта, меркантильная и хитрая, потому и просидела на троне дольше незадачливых предшественниц.

А им вот хитрости не хватило...

Взяв двумя пальчиками тоненький кусочек сыра, Александра пригубила вино. Подумала, глотнула еще. Потом только заела сыром. Мельком посмотрела в телевизор, снова выпила. Поставила бокал на столик, взяла виноград. Потом перевела взгляд на телефонный аппарат и, позабыв о винограде, потянулась за трубкой.

Набрать Наташу не успела, та опередила.

– Привет, – поздоровалась с обычным томным вздохом, зашелестела чем-то, зашелестела, снова вздохнула и спросила: – Пьешь?

– Пью, – призналась Саша. – А ты?

– И я пью. Ты красное?

– Ага. – Саша проткнула острыми зубками виноградину, втянула с шумом брызнувший сок. – А ты, как всегда, коньяк?

– Коньяк. – Наташа опять вздохнула и пожаловалась: – А винограда нету. А у тебя, я знаю, всегда есть!

– А почему у тебя нет? У тебя же всегда горы фруктов были, Наташа!

Саша заволновалась. Прежде Наташкин роман с дядечкой – так она называла престарелого любовника своей бывшей соперницы, игнорируя заезженное «папик», – ее жутко раздражал.

Ну как же, одной Наташке из них троих удалось так удачно пристроиться. Машка окончательно опустила и, кажется, бесповоротно. Пила и таскалась с кем ни попадя. От былой привлекательности ровным счетом ничего не осталось.

Самой Александре приходилось вкалывать с утра до поздней ночи.

Свое просиживание в директорском кресле она именовала только вкалыванием, и никак иначе. Пускай порой почти ничего не понимала и не старалась понять в цифрах, которыми жонглировала ее бухгалтерша. Хотя делала вид, что понимает, и пыталась даже спорить с ней. Пускай зевала часами, рассматривая свои ногти. Пускай накачивалась кофе до звона в ушах. И иногда даже днем заваливалась на свой диванчик, спрятанный от стороннего глаза в укромной нише.

Все равно она вкалывала, потому что ей необходимо было каждое утро подниматься по часам и самой готовить себе завтрак. Ей приходилось придерживаться распорядка дня. А это уже режим! А где режим, там и вкалывание.

Получалось, что Наташка одна из всех бывших сетинских жен ухватила фарт за хвост. Поначалу – да, раздражал этот фактор, завидовала даже. Но после той памятной встречи с Машкой в кафешке с грубыми пластиковыми столами и стульями, липкими блинами и кислой сметаной это Александру не могло не вдохновлять.

Да, они послали Машку куда подальше с ее страшными намеками и откровенными призывами к преступным деяниям. Да, они фыркнули, поднялись и ушли, гордо неся перед собой свою честь, достоинство и неподкупность. Да, потом даже посмеялись надо всем тем, что она говорила и предлагала, но...

Но забыть этого Александра не смогла.

Может, и правда говорил что-то подобное Сетин, а? Может, уже надоела ему за два года его безродная, безропотная жена? Может, приелась бессловесная преснятина? Может, он действительно решится на то, чтобы попросить ее покинуть его дом? И тогда, устав от вечных поисков и притирок характеров, он вновь устремит свой взор назад? А там что?

А там, потирала руки Александра, – спившаяся Машка, пристроенная за обеспеченным дядечкой Наташка. И совершенно одинокая, ничем себя не запятнавшая, бывшая его первая и верная жена Александра. Так что шанс у нее был, хотя и призрачный весьма.

И тут вдруг звонит пристроенная по всем правилам Наташа, уставшая копошиться в роскоши, и вещает печальным голосом, что ей нечем закусить коньяк.

Что за дела, блин?! Что, даже ломтика лимона нет в ее огромном, как шкаф, холодильнике?!

– Были, Саш, были горы фруктов, теперь нет. – Наташа вздохнула уже с явной слезой.

– А куда же твой дядечка смотрит? – возмутилась Александра, едва не подавившись виноградной косточкой. – Он же всегда перед уходом твои полки проверял! Что случилось, Наташа?!

– Случилось. Ты права, случилось! – Наташа захныкала. – Мы расстались, Сашенька!

– Как это расстались? – не поверила Саша, противное подозрение черным пятном вползло в душу, все там сразу перепахкав.

Мудрит Наташка! Точно мудрит! Только прознала про сетинское заявление, как тут же наверняка наладила своего дядечку восвояси. Оно и понятно. Кому же охота ковыряться в складках морщин престарелого дядечки, каким бы обеспеченным тот ни был, если на горизонте вновь забрезжил силуэт Сетина Виталия Станиславовича.

Чего греха таить, все они в начале семейной жизни с ним были влюблены в него как кошки. Все, без исключения: и Сашка, и Машка, и Наташка. Наташка – так, кажется, больше остальных, потому что моложе всех была на тот момент. И если у Сашки какие-то сомнения ковырялись в душе, то Наташка ухнулась в брак с Сетиным, как полоумный в омут.

– Как это расстались? – стараясь придать голосу ленивое равнодушие, переспросила Александра.

– Не стремись походить на Виталика, Саня, – попеняла ей тут же за ее попытку воссоздать тон Сетина Наташа. – У тебя это плохо выходит.

– Это ты о чем? – неумело рассмеялась Саша, хотя рычать уже хотелось.

– Это я о том, что ты мгновенно переполюшилась, узнав о нашем разрыве. И хотя стараешься говорить равнодушно, как Виталик, – сделала нажим на имени бывшего мужа бывшая соперница, – у тебя ничего не выходит. Ты злишься!

– С чего ты взяла! – взбесилась Александра, решив стоять до победного. – Чего мне-то злиться из-за твоего разрыва с дядечкой? Это тебе надо злиться, потому что у тебя винограда теперь нету. Я-то его сейчас как раз ем.

– Ты злишься, – начала немедленно пояснять Наташа, будто и не слышала всего того, что только что сказала Александра, – потому что боишься меня в роли соперницы.

– Я?! Тебя?! Сдурела, что ли?!

Обидеться ей удалось совершенно неподдельно. Но только потому, что ее так точно раскусили. Вот поди ж ты, самая молодая из всех троих Наташа, а проницательности ей не занимать.

– Ничего я не сдурела, Саш. – Наташа вздохнула. – И не пытайся меня убедить, что ты не думала над Машкиными словами.

– Какими словами? – Она поперхнулась вином, которое уже принялась пить без церемоний, огромными глотками.

– Какими словами! – передразнила ее Наташа. – Хватит, Саш! А то обижусь, так и знай... И ты, и я, мы обе думали над тем, что рассказала нам Маша. О том, что Сетин заявил в кругу своих близких друзей.

– Наташа, ты совсем с ума сошла! – фыркнула Саша, теперь, когда хмельно зашумело в голове, притворяться стало гораздо проще. – Какой Сетин?! В кругу каких друзей?! О чем заявил?! Ты что же, поверила в это, в самом деле?!

– А ты нет? – Кажется, Наташа прониклась ее искренностью, потому что голос ее разочарованно дрогнул. – Думаешь, соврала?

– Соврала не соврала, какая нам с тобой разница? Может, он и брякнул спяну что-нибудь, кто-то приукрасил, Машке донес, она тоже прибавила что-нибудь, вот и...

– Ладно тебе, Саш, ерунду пороть. – Голос Наташи снова окреп уверенностью. – Во-первых, Сетин никогда не напивается, ты это знаешь. Во-вторых, он запросто мог такое ляпнуть.

– С чего это? – насторожилась Саша, выливая остатки вина из бутылки в бокал.

Она тоже никогда не напивалась, как и Сетин. Тем более в одиночестве, когда одиночество было таким вот домашним, а не случалось принародно за ресторанным столиком или барной стойкой, где его запросто мог скрасить кто-нибудь. Там лишние сто граммов вполне могли быть оправданными. Но сегодня был особый случай. Сегодня она перенервничала.

– Я знаю, что он мог такое ляпнуть, Саш, – упрямо повторила Наташа.

– С чего, спрашиваю, ты делаешь такие выводы?

– Не забывай, что я была последней его женой.

– Он до сих пор при жене! – поддела ее Саша.

– Ну... Я имею в виду, что последней из нас. Не цепляйся, а то трубку брошу! – пригрозила Наташа.

– Ладно, не буду, а ты не тяни. Говори внятно и быстро.

Краешек бокала легонько стукнул по зубам, сделалось неприятно, будто у нее и в самом деле от азарта руки тряслись.

Нет, ну какой азарт, какой азарт-то?! Она же не на охоте. А Сетин не дичь.

– Так вот, уже при мне он не раз говорил, что устал жить в вечном поиске. Что хочет покоя в доме, стабильности и все такое, – осторожно начала говорить Наташа, явно боясь сболтнуть лишнего. Потом запнулась ненадолго, подумала и все же призналась: – И про детей говорил что-то, Саш.

– Да?! И что же?

– Я плохо вслушивалась. Поскольку, сама понимаешь, эта тема не для меня.

– Можно подумать, для меня! – возмущенно фыркнула Александра. – Я вам еще в кафе сказала, что ни за что не стану рожать от Сетина, какими бы благами он меня ни осыпал.

И снова зубам стало больно от легонького удара стеклянным краешком.

А ведь родит! И еще как родит! И рожать станет каждый год, если ему того захочется! Ведь думала и об этом тоже, почти каждый день думала. И живот свой загорелый и плоский поглаживала, не востребованный пока истинным женским предназначением. И думала при этом, что запросто пожертвовать готова гладкой нежной кожей, если на то будет воля божья и Сетина. И пускай поправится, и оплывет, и грудь пускай оцетинится вздувшимися от молока сосками. Лишь бы Сетин взял ее снова в жены и признал за ней право рожать ему детей. Лишь бы это случилось все, а уж она готова жертвовать.

– Станешь, Саша, – с напором произнесла Наташа.

– Что?! – не поверила она своим ушам. – Что ты только что сказала?!

– Я сказала, что ты станешь рожать, если он того захочет. И я первая у тебя в ногах стану валяться, поняла!

– Нет, не поняла.

Александра и впрямь запуталась.

Когда узнала от Наташи, что та рассталась со своим дядечкой, то заподозрила ее тут же в том, что она стремится опередить их всех. Преимущества-то у нее были, чего уж. И вдруг бывшая соперница заявляет ей такое!..

– Если Сетин захочет от кого-то из нас ребенка, – выразительно, почти по слогам, начала Наташа свое объяснение, – то ты должна будешь ему родить, Саш. Ты, и только ты!

– Почему я? – удивилась Александра. – Почему не...

Наташа детей иметь не могла. Оставалась Машка.

– Потому что я ей не верю.

– Машке?

– Машке, Машке! Она поселится рядом с Виталиком, родит ему деток, а про нас забудет через минуту. Разве не так, Саш? Она же... Она же совсем другая. Она отличная от нас.

Машка и впрямь отличалась от них чрезвычайной беспринципностью. Опустилась до тривиального романа с собственным водителем, имея при этом такого мужа, как Виталик, могла только законченная дура. И что бы там она ни болтала про страсть, захватившую их обоих, какие бы объяснения ни плела, захлебываясь от слез в их присутствии, Саша с Наташей ей не верили и понять ее никак не могли.

– Ну да, она немного... немного не такая, – закивала Саша, будто Наташа могла ее видеть сейчас.

– Да, – обрадовалась обретенному взаимопониманию между ними Наташа. – И не немного, Саша! Не немного! Она ведь... Она ведь запросто может забеременеть от какого-нибудь проходимца, а потом заявить, что это ребенок Виталика.

– Может, – не могла не согласиться Саша. – И что предлагаешь?

– Я?.. Я предлагаю... – Наташа тяжело вздохнула, снова чем-то зашуршав, как в самом начале разговора.

– Чем ты там шуршишь, не пойму? – разлюбопытничалась Саша.

– Конфеты ем. Надо же чем-то коньяк закусывать, – нехотя призналась бывшая соперница. – Фруктов же нет!

- Смотри, талия поплывет с этих конфет. Как станешь Сетина заново пленять?
- Я и не стану его пленять. Собственно, поэтому я и звоню тебе.
- Почему поэтому?
- Потому что этим займешься ты, Саша.
- Я?!

Александра прикрыла расплывающийся в радостной улыбке рот ладошкой. То, что Наташа добровольно сдавала свои позиции, было замечательно. Машкин вариант заведомо проигрышный. Наташа единственная, кто была серьезной соперницей. А она вот так запросто уступала ей свое место.

– Ты, ты, Саша, – она вздохнула со слезой. – Я не смогу родить, а ты сможешь. А он хочет ребенка, я помню, он говорил об этом. Ну начну я с ним жить заново при хорошем раскладе, Саш, а дальше что?

– Что?

– А дальше он детей захочет. И снова захочет меня поменять на какую-нибудь Леру. Нет уж, хватит. Больше мы его упускать не станем. Так ведь? Если не я, то только ты. Машка не в счет, сама понимаешь. Так что...

– Наташа, Наташа, стой! – Александра вдруг затрясла головой, вспомнив о самом главном. – Но ведь мы не знаем наверняка, говорил ли он в самом деле об этом! И опять же эта его Валерия. С ней-то что делать?!

– Что с ней делать, решим после того, как прощупаем Сетина, – деловито пояснила Наташа, разворачивая с диким шуршанием очередную конфету, будто фантик стеклянным был. – Это я беру на себя. Послезавтра вечеринка одна намечается. Ты приглашена?

О вечеринке в доме губернатора Александра была наслышана. У нее в салоне запись за неделю осуществлялась местными красавицами. Но ее туда не пригласили. То ли позабыли, то ли сочли недостойной. И она проревела целый вечер два дня назад, вспоминая, как пачками отправляла приглашения в мусорку, когда была еще сетинской женой. Тогда не могла ходить, потому что ему вечно бывало некогда, теперь...

– Да, пригласили, – соврала она тут же, – но я решила не ходить. Там Тополев будет наверняка. А он так меня достал в последний раз, что лучше уж я дома пересажу.

– Хорошо, – не поверив ни единому слову, закивала Наталья. – Сетин там будет непременно.

– А его Лера?

– Вряд ли. Она столь скучные мероприятия не посещает.

– Или он ее не берет, – подхватила Саша. – Может ведь такое быть, раз он зовет ее так же, как и нас – «дорогая»?

– Да все может быть, Саш, все! Надо не сидеть сложа руки, а действовать. Правильно? – И тут же сама себе ответила: – Правильно. Сначала мы с тобой удостоверимся в его намерениях, а потом уж... А потом уж станем решать, что с этой красавицей делать.

– Ты это, Наташ, смотри только глупостей не натвори.

– А ты что подразумеваешь, говоря о глупостях, а, дорогая? – замурыкала Наташа и тут же рассмеялась. – Нет уж, в постель я его не потащу, будь уверена. Мне его надо тебе вернуть, а потом крестной матерью вашего первенца заделаться. А ты... Ты ведь меня не кинешь, Саш? Нет?

– Нет, – твердо пообещала она, и, поболтав еще пару минут о пустяках, они распрощались.

Кинешь не кинешь! Какие-то глупости говорит. Если посмотреть серьезно на все, о чем они сейчас говорили, то бредом все и покажется. Две бывших жены мечтают о том, чтобы вернуть одной из них бывшего мужа. При этом другая надеется на солидное вознаграждение и не менее солидное ежемесячное содержание. И вот, все это благополучно распланировав,

они как-то позабыли спросить у самого бывшего мужа: а согласен ли, а захочет ли? Жить с одной из них и содержать сразу обеих? Так еще и третья бывшая жена имеется, которая тоже надеждой живет. И четвертая жена, пока не бывшая. С ней-то что? Ее-то куда?

Бред, да и только!

Саша выбралась из кресла. С сожалением посмотрела на пустую бутылку. Не надо было столько пить, нельзя. Сразу голова тяжелой делается. И мысли в ней под стать. Нехорошие, злые, некрасивые мысли.

Разве стала бы она, к примеру, на трезвую голову думать о Наташе как о безнравственной авантюристке? Нет, не стала бы. А она теперь вот именно так о ней и думает. Стала бы проклинать Машку за то, что та внесла в их души смуту такую? Ни за что не прокляла бы, грех потому что. А теперь вот, бредя шаткой походкой в кухню, клянет. И страх какой-то мерзкий и ползучий в душу крадется.

А вдруг вся эта гадкая затея не доведет их до добра? Вдруг кто-то из них пострадает? И самое главное: с Леркой-то, с Леркой что делать?! Ее-то куда девать? Она вряд ли добровольно захочет расстаться с милым уютным гнездом, которое второй год вьет для себя и для Сетина.

– Бред! – пробормотала Саша вполголоса и вдруг со злостью швырнула хрупкий бокал в раковину.

Он разлетелся вдребезги. Саша принялась сгребать осколки в кучку, тут же поранила палец. Кровь закапала столешницу, попала на подол туники, тут же просочилась сквозь салфетку, которой Саша попыталась перехватить порез.

– Да что же это такое, а?! – возмутилась она собственной неуклюжести.

Тут же заспешила, услышав звонок домофона, салфетку бросила на пол, оторвала бумажное полотенце, им перебинтовала палец. Побежала к двери.

– Кто там? – запыхавшись, спросила она в трубку домофона.

– Я, я, чего кричишь-то? Гонится за тобой, что ли, кто? – поздний гость захихикал. – Впустишь или как?

– Почему сегодня?! Почему так поздно?! – возмутилась Саша, вспоминая, какой сегодня день недели.

– А соскучиться разве грех?

– Нет, но... – Она с сожалением глянула на выпачканный кровью подол туники. – Я не готова!

– Ладно тебе, Саша. – В самое ухо тяжело и протяжно вздохнули. – Давай без церемоний. Не чужие мы друг другу, чтобы так вот заморачиваться. Открывай, что ли!

– Ладно, входи, – она ткнула пальцем в кнопку. – Только учти, недолго. Мне этих разговоров в прошлый раз хватило. Входи...

Глава 8

Батенин твердо решил сегодня поговорить с ней. Как бы ни был он нехорош для нее, как бы ни был недостоин ее, он все равно с ней поговорит. А там...

В конце концов, чем черт не шутит?! Может, она, так же как и он, не терпит одиночества? Может, устала от суеты людишек с вечной их жаждой накопительства, может, хочет чего-то чистого, достойного, приличного.

Он-то себя именно таким и видел. А в том, что крал, видел лишь удовольствие. Спортивный интерес, во! Денег-то он редко когда много вытаскивал. Мало кто все свое с собой таскает, а потом в сумке у самой двери на крючок вешает. А еще и банковскую карточку в бумажку с паролем заворачивает. Случались, конечно же, и такие, но редко. Так что его воровская лихая деятельность – не более чем хобби. И если она, узнав, потребует с этим делом завязать, он так и поступит. А сегодня...

А сегодня он идет с ней просто поговорить о том, что происходит вокруг нее. Что происходило? А что-то нехорошее. Лев это своим чутким воровским нутром чувствовал, только объяснить толком не мог. Для того чтобы эти объяснения у него появились, и нужно задать ей пару вопросов.

Он ведь увидел ее вчера! Слава богу, что увидел, а то ведь решил уже, что придумал все или приснилось ему. Фотография – да, существовала. Он ее разглядел, на твердую картонку наклеил, чтобы не коробилась в местах сгиба. И поставил на столе, оперев о стопку книг по рукоделию – все, что осталось от непутевой сестры, сгнувшей с каким-то заезжим хрычом. Но фотография фотографией, а живой фею очень хотелось увидеть. Посмотреть, так же хороша она, как на снимке.

Хороша! Еще как хороша! Пускай темно было на улице, и свет уличных фонарей почти не доставал до того места, где они столкнулись нос к носу будто случайно – он все подстроил, увидев, что она идет от проулка к своему подъезду, но он все, что нужно ему было, успел рассмотреть.

Это она! Это его фея! Он мечтал о ней долгими одинокими вечерами и ночами. Грезил о счастье подле нее. Потом, когда у него появилась ее фотография, даже пытался с ней разговаривать. Диалога, правда, не получалось, потому что фея лишь молча улыбалась ему со снимка и не отвечала. Но он-то, он-то мог говорить с ней хотя бы так.

Сегодня вот решил поговорить с ней лично, без фантазерства всякого, которое уже и раздражать начало. А то как бы чего не вышло. Больно нехорошие дела вокруг нее начали происходить.

Вчера он сам у себя спросил: а не сочиняет ли он? Не накручивает ли себя? Может, с психикой что из-за неразделенных чувств случилось?

Подумал, валяясь в ванне, и решил, что нет – с ним все в норме. Это с ней...

Нет, это вокруг нее что-то не то затевается. Да и портфель этот покоя не давал. Зачем он только взял его тогда?!

Так, минуточку, минуточку! Не взял бы портфель – не нашел бы ее фотографию. Не нашел бы фотографию – не узнал бы никогда, кто живет в той квартире, которую он на пару с каким-то ухарем обчистил в тот день. И не случись ничего этого, не собирался бы он сейчас на свое первое в жизни свидание.

Нет, конечно, бывали, бывали у него встречи. Но такие все глупые, несуразные. И бабы были такими же глупыми и несуразными. Им не то что розы, веника драного он никогда не додумался бы принести. С ними все бывало просто до ломоты зубовой. Созванивались, она приходила. Едва ли не с порога раздеваться начинала. Потом, сонно ломаясь на его койке, принималась жеманиться, корчить из себя непонятно кого.

Противно! Он выгонял их тут же, чтобы уже больше никогда с ними не пересекаться.

Его фея была особенной, он это знал. Она была умной, красивой, она никогда не стала бы сразу лезть в кровать, и не стала бы требовать туда чашечку кофе. Мужчина ведь должен до всего сам дойти, не так ли? И догадаться должен сам, когда натиск усилить, когда ослабить и когда капризам потакать.

Батенин поправил перед зеркалом узел галстука. Сколько ни бился над ним, так и не вышел он большим и объемным. Каким-то он у него получился морщинистым. И край воротника на рубашке он утюгом загладил неправильно. Стрелка на одной брючине уползла куда-то влево. Пиджак немного в плечах поджимал. Не очень, конечно, в глаза бросалось, но, если присмотреться, можно было заметить.

– Ну и что! – пробубнил он в зеркало. – Главное, чтобы человек был хороший, так ведь? А когда хороших двое и они вместе, это уже рай.

Батенин хотел рая на земле, фею подле себя и ангелочков там же. Все, что могло с ним быть после смерти, его не интересовало. Это когда еще будет, да и будет ли. Он хотел здесь и сейчас. Потому и шел упрямо на встречу с девушкой, которая его не знала совсем. И плевать он хотел на то, что пиджак ему маловат, а стрелки на брюках виляют, как поселковый тракт, плевать на то, что галстук он неумело завязал, а розы, купленные вчера, чуть увяли и уже не так хороши и свежи. Плевать! Он идет не просто на встречу с любимой девушкой, которую выбрал себе в жены. Он идет ее спасать, вот так!

– Нет ее! – гавкнула соседка его феи прямо в его спину, туго обтянутую пиджаком.

– А... А где она может быть? – Лев оглянулся, улыбнулся, поправил букет.

– А кто ж ее знает! – Женщина в тонком трикотажном костюме апельсинового цвета с огромным парусником во всю грудь посмотрела на его букет. – Завяли розы-то.

– Да уж.

– Давно, стало быть, ждешь?

– Со вчерашнего вечера, – вдруг брякнул он непонятно зачем. Видел же ее вчера, специально столкнулся с ней.

– Да? – соседка феи удивленно вскинула брови. – Вчера она приходила вечером. Странно, что ты ее проглядел. Правда... она может и не открыть, хотя и дома. Тут один ходил все, ходил, она не открывала. Он и поостыл. Больше не ходит. А вчера... Вчера она точно была здесь, я слыхала через дверь, как она с кем-то разговаривала.

– У нее были гости? – взревновал тут же Батенин.

– Может, гости, а может, по телефону с кем говорила.

– А утром ее не видели?

– Нет, не видала. На дачу поехала, семи еще не было. Только сейчас и вернулась.

– А как же вы тогда можете знать, что ее дома нет? – резонно заметил Батенин, перебросив букет себе за спину.

Дарить его уже было нельзя. Головки роз поникли, краешки лепестков потемнели. Отвратительное зрелище, Батенин брезгливо поморщился. Он терпеть не мог увядших цветов. Со дня смерти матери терпеть не мог. И дома их не держал никогда, и в вазы не ставил, боясь их увядания.

– Так почтальонша мне сказала. Мы столкнулись с ней возле подъезда, – охотно пояснила соседка, стягивая через задник крепко зашнурованные кеды. – Спросила про нее вон, где, говорит, может быть. Второй раз за сегодня, говорит, извещение на заказное письмо с уведомлением приношу, а ее нет.

– Может, открывать не хочет, – задумался Лев. – Вы же сами говорите, что может не открыть, даже когда дома.

– Так ненужным ухажерам не открывает-то, – усмехнулась соседка. – А почтальонше-то чего не открыть? Может, ей какой перевод пришел или важное сообщение, а она не откроет.

Нет, парень, тут дела разные совсем. А ты во дворике ее подожди. Может, и явится блудная наша...

Он отлучился всего лишь на десять минут.

До этого просидел три часа на скамейке возле подъезда. Хорошо еще, что никого рядом не было, а то вовсе бы извелся, он и так себе места не находил.

Розы выбросил в урну. Они и для подарка непригодными стали, и на него тоску непонятную навели своим преждевременным увяданием. Ерзал по скамейке, без конца то на часы смотрел, то на окна ее, то на проулок, из которого она вчера вечером вывернула, а ее все нет и нет.

Стемнело, в доме зажглись огни. Только ее окна оставались темными. Может, она не придет сегодня? Соседка что-то говорила про то, что могла и не прийти блудная.

Блудная? Почему блудная?! Она же хорошая, она же фея, феи не могут быть блудными. Подобное клеймо не для них.

К концу третьего часа Батенину приспичило в туалет. Терпел до последнего. Дождался, пока в проулке мелькнет трамвай, потом троллейбус, засек, что минут десять транспорта никакого не будет, и бегом в дальние кусты.

Там занято! Парочка подростков там целовалась. И ведь даже не испугались неожиданного вторжения.

– Шел бы ты, дядя, отсюда поскорее. – Ломкий подростковый басок таил в себе явную угрозу. – А то как бы чего не вышло.

В другой раз он бы ему таких щелбанов навешал, что мало бы не показалось. Но сегодня расплыться на разборки с малолетками не стоило. Сегодня он не мог проглядеть свою фею. И так уж розы не донес, выбросил.

И проглядел ведь! Пока искал укромное место, шныряя по двору, она прошла в свой подъезд незамеченной. Поднялась к себе на этаж и включила свет в кухне. Это ведь кухонное было окно, он не мог ошибиться. Шторки были полупрозрачными, с ярким рисунком.

Едва успев застегнуться и одернуть пиджак, Лев помчался к подъезду. Лифт не работал.

Ну а как же еще, именно так, а не иначе!

Мало этого, на лестнице между вторым и третьим этажом два мужика затеяли драку. И не просто так, с пьяных глаз для устрашения друг друга, из-за неуважухи или ревности, а вполне серьезно. Без лишних криков они сосредоточенно били друг друга, нанося удары вполне профессионально. Лев попытался было проскочить мимо них наверх, но едва увернулся от удара ногой, пришлось ретироваться.

– Мужики! Мужики, хорош вам, мне наверх надо, мужики! – завопил Лев Батенин, отчаявшись дожидаться конца бессловесного поединка. – Хорош, щас милицию вызову! Эй, народ, звони ноль два!

Захлопали двери квартир, любопытные высовывались наружу, чтобы тут же исчезнуть. Драка не утихала. Но один из противников явно начал уступать другому. Его все сильнее теснили в угол.

– Сука, я тебя все равно прикончу! – хрипел поверженный в углу. – Не думай, что так просто соскочишь!

Второй молчал и продолжал сосредоточенно его бить. В сторону Батенина никто не смотрел, и он ходко рванул вверх по лестнице.

Думал, сердце выскочит, пока добежит. Так и казалось, что либо за ним погонятся сейчас оба дерущихся из-за того, что он им грозил милицией, либо фея его снова исчезнет. Хотя он точно помнил, что лифт не гудел, пока он за дракой наблюдал в величайшем томлении. И мимо него она пробежать не могла. Драка же была, и он стоял на лестнице.

Дома, она должна быть дома!

Добежал, привалился к стене рядом с дверью под номером семьдесят четыре, отдышался. Внизу нарастал какой-то шум, снова захлопали двери. Может, дерущихся разнимали. Может, милицию все же кто-то вызвать решился. Ну, оно и к лучшему. Если фея его прогонит, он беспрепятственно покинет этот подъезд, который сторожить пришлось последних три часа, будто псу цепному.

Батенин оттолкнулся от стены. Отряхнул брюки. Одернул пиджак, поправил узел галстука. Провел ладонью по вспотевшему лицу, вытер ее о брючину. Теперь можно было и в дверь звонить.

Руку он до звонка не донес. Звонить смысла не было. Так и замер с поднятой кверху рукой, слово салютовал кому-то.

Дверь! Дверь была не заперта! Он это понял мгновенно, стоило ему глянуть на нее. Сколько таких незапертых дверей ему довелось приоткрыть, чтобы шагнуть внутрь. А иногда и шага делать не приходилось, достаточно было протянуть руку.

Он всегда чувствовал эти открытые двери, ощущал по едва уловимой вибрации, по тонкой струе сквозняка, тянущей снизу. Он почти всегда знал, которая дверь окажется незапертой. И редко когда ошибался.

Дверь квартиры семьдесят четыре, возле которой топтался теперь в нерешительности Лев Батенин, была не заперта.

Почему?!

Это первый и самый страшный вопрос, который его буквально пригвоздил к бетонному полу лестничной клетки.

Почему она не заперлась, вернувшись так поздно домой?! Почему она не сделала это, слыша шум мужской потасовки в подъезде? Хлопали же двери, народ возмущался, да и сам он орал что есть силы.

Ему бы задаться еще одним вопросом: почему он, понимая, что влип во что-то нехорошее, все еще стоит на ее пороге и не бежит стремительно вниз или вверх, как делал не раз? А потом еще одним: почему вместо того, чтобы спасти себя, он тянет дверную ручку, толкает дверь и входит в ярко освещенную прихожую?

А следом и еще один вопрос его должен был бы взволновать: почему, не обнаружив никого в прихожей, он начинает кричать в полный голос и идет в кухню?

Он нашел ее – свою фею, розы для которой он так и не донес. А может, они потому и увяли, что чувствовали, что не могут стать ни для кого подарком?

Девушка была мертва. Она лежала ногами ко входу в кухню со скрещенными на груди руками. Видимо, как стояла перед убийцей, так и рухнула на спину, получив пулю в лоб. Аккуратной дырочки не получилось, верхняя часть черепа была снесена. Все было залито кровью.

Льва затошнило. Надо было бежать, ну хотя бы для того, чтобы отдышаться. А он вместо этого сполз по стене, уселся на пол у кухонной двери и начал вслушиваться в нарастающий подъездный гомон. Он ширился, разрастался, оглушал. Потом кто-то завизжал совсем рядом с ним и принялся орать:

– Вот он! Вот он, гад! Берите его, берите!

Его и правда взяли и подняли с пола, больно вывернув руки за спину. Пиджак и без того намял ему подмышки, а тут еще выверт такой, что выть захотелось, и тоже громко, во все горло, так же, как визжал кто-то над самым его ухом.

Он сдержался. Возмутился лишь один раз, когда его начали в милицейскую машину совать, сильно давя на голову, чтобы он склонил ее как можно ниже.

– Хорош там, э-ээ!!! – И он даже кого-то лягнул.

– Смотри какой, лягается! – с непонятной веселостью отозвался кто-то за его спиной. – Я вот тебе щас...

Сильный удар ниже поясицы послал Батенина в самое нутро милицейской дежурки. Он больно ударился лбом. Перевалился на бок, потом на спину, попытался сесть. С трудом, но получилось. Возле машины кто-то негромко разговаривал. Подъезжали и отъезжали машины, свет их фар елозил по решетке, по грязным металлическим стенам, перескакивал ему на лицо и исчезал.

Он даже не морщился. В руках и плечах боли уже почти не чувствовал. Шишка на лбу наливалась внушительная, но тоже странным образом не беспокоила.

Болело сердце! Да так, что дышать было трудно.

Беда? Беда! Случилась беда, и не одна!

Погибла его фея. Ее убили выстрелом в голову, разворотив всю ее красоту, превратив ее в месиво из переломанных пульей костей и крови. Тот, кто это сделал, благополучно исчез. А вот он...

А вот он попался. Так глупо, так бездарно попался! А все почему? А все потому, что он нарушил главное правило вора: никогда не возвращайся туда, где тебе один раз повезло...

Глава 9

Настроение, несмотря на незадавшуюся вечеринку, у него было приподнятым. Не мешал поток машин, перекрывающий ему съезд на второстепенную дорогу, по которой три раза поверни – и ты дома. Не раздражали светофоры, странным образом забывшие перейти на работу в ночном режиме. Даже саксофонист, нудно тянущий по радио унылую мелодию, не действовал на нервы. И мелкий дождь, вознамерившийся смазать конец лета настоящим осенним ненастьем, ему почему-то нравился. Все прямо нарядным каким-то казалось, умытым, блестящим, свеженьким. Будто кто-то вознамерился весь город отполировать сегодняшней ночью.

Может, просто ночь была такой необыкновенной, а? Особенной?!

Для кого как, а вот для него – да, была. Именно эта ночь вдруг оказалась для Сетина особенной. Как бы он ее назвал? Ночь откровений? Нет, не подходит. Ночь прозрений? Тоже банально. Он никогда не был слепцом. Как тогда ее назвать?

Не находилось ей названия, хоть тресни. Не было слов, чтобы озаглавить тот временной отрезок всего из двух с половиной часов, в котором он вдруг осознал себя влюбленным человеком.

А он осознал! Как-то неожиданно и сразу Сетин вдруг понял, что влюблен в свою жену – Валерию. И для этого даже ее присутствия рядом с ним не понадобилось. Она дома осталась, отказавшись поехать к губернатору.

Он просто стоял, потягивая воду с лимоном – пить, когда бывал за рулем, он не позволял себе ни капли. Смотрел на собравшихся, кому-то улыбался, кого-то приветствовал, чуть склоняя голову и приподнимая бокал, кого-то осыпал заслуженными и не очень комплиментами. Затем долго и ни о чем говорил с Наташей, со своей бывшей третьей женой. Попутно решил вопрос, не дающий покоя его бизнесу второй месяц. Ел потом что-то, плохо понимая, что ест. Снова говорил комплименты и улыбался. И все это время он ощущал странное беспокойство, немного его нервирующее.

Он подумал, порылся в себе, попытался все случившееся за день и за два предыдущих дня проанализировать на предмет необъяснимой нервозности. Ничего такого не нашлось. Все в обычном режиме и дома, и в делах. Правда...

Правда, вчерашнее свидание с собственной женой в их общей спальне прошло совсем не так, как обычно. Он был приятно удивлен, но не более.

Что же было еще?

Сетин вышел на балкон, оперся об отлитое из бронзы ограждение, глянул в небо. Темнота просто могильная, подумал он, поежился и... тут же вспомнил.

Да, да, да! Он вспомнил, что его царапнуло и закогтилось потом глубоко внутри. А теперь бедарило и покоя не давало, заставляя дергаться.

– Виталий... – позвала его Валерия, когда он повязывал себе галстук перед зеркалом. – Я могу у тебя спросить одну вещь?

– Тебе мало вещей? – пошутил он, затягивая шелковую петлю на своей шее.

Ни одной из жен он не позволял завязывать себе галстук. Считал это очень личным и только своим.

– Извини, я не так выразилась, – тут же смутилась Валерия. – Мне ничего не нужно. У меня все есть. И до тебя все было, а теперь особенно.

– Так что ты хочешь? – сразу завелся Сетин, неожиданно сильно потянул книзу, и узел галстука вышел не таким, как хотелось.

Вот когда она всякий раз подчеркивала, что ни в чем не нуждалась до него, он начинал беситься.

Да уж, конечно, не Золушка! Не кухарка, не посудомойка, не дворничиха. Но и позволить себе особенно ничего не могла, что теперь позволяет. Чего было выпендриваться? Оксана Петровна зовет ее неблагодарной, может, не так уж и не права.

– Я просто хотела спросить. – Валерия испуганно попятилась, когда он выскочил на нее из гардеробной, как черт из табакерки.

– Спрашивай, ну!

Он глянул на нее внимательнее и почему-то пожалел. Не такой уж счастливой она ему показалась, как должна была бы выглядеть, живя на его миллионы. Почему? Он ведь ей ни в чем не отказывает. Хотя не очень-то много она и просит. Сейчас вот попыталась, он тут же орать.

– Говори, Лера, – смягчился Сетин и погладил ее по плечу. – Деньги кончились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.